

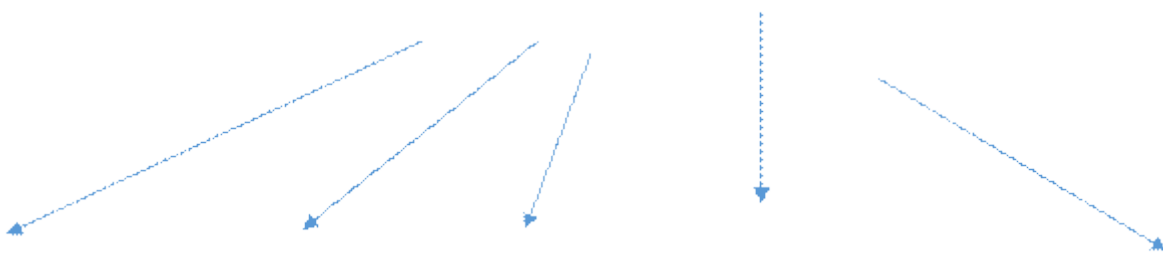
Гершанок Р. А.

Мои воспоминания

Посвящаю
моему дорогому
брату Соломону

Санкт- Петербург
2012 год

Рафаил Кац и Сара

Авром-

Гирш

Бася

Моисей

и Сара-Малка

Арон Гершанок

и Зяма (Соломон) Друкарев

Хеся

и Исаак

Цыля

и

Сымен

Рафаил

Самуил

Рафаил

Рафаил

Матвей

Саша

Рафаил

Соломон

Шлема
Саша
Цыля

Лина

Абраша

От редакции: для удобства чтения 1-й главы мы позволили себе, основываясь на тексте рукописи, составить это небольшое родословное древо (до 3-го поколения начиная от Рафаила Каца и Сары).

Глава 1. Журавичи. Местечко в Белоруссии.

В этом местечке началась наша родословная в 19 веке.

Первое упоминание о м. Журавичи относится к 16 веку.

Планировка характеризуется 7-мью изогнутыми улицами с преимущественно деревянной застройкой. Во время Отечественной войны 1812г. около Журавичей произошло жестокое столкновение Французских войск с отрядами Российского генерала Ф.Ф.Эртеля. А в первую мировую войну немецкие войска остановились в 14 км от границы местечка на берегу р. Днепр. Судя по ландшафту местности, местечко расположено в дельте, когда-то бурной и широкой реки, окаймленной с пологого берега дремучим сосновым лесом, а по другому высокому берегу тянется песчаная гряда с могучим сосновым бором. На севере – западе змейкой вьется не широкая река "Журавка", излюбленное место время проведения местной детворы.

С 1930 г. в местечке работало три кузницы, портняжная, сапожная и торфодобывающие предприятия. На въезде со стороны минского шоссе стояла ветряная мельница, работу которой в безветрие дублировала нефтяная мельница. Кроме того, работали 4 круподерки для получения пшена из проса. Круподерка представляет собой два жерновых круга, приводимых во вращение конной тягой.

Журавичи (Журавка) в переводе с белорусского – клюквенное место. С конца 19 века в местечке проживало от 300 до 500 семей. В основном это были еврейские многодетные семьи ремесленников. Основным ремеслом было портняжное и сапожное дело, часовое мастерство, кузнечная работа по изготовлению металлических ободов для деревянных колес телег и подковыванию лошадей.

Все эти работы предназначались для обслуживания крестьян близлежащих деревень. Крестьяне занимались выращиванием картошки (по-белорусски "бульбы"), льна для пряжи одежды, ржи и др. Пшеница и другие благородные культуры в наших краях не культивировались. Это краткое описание довоенных Журавичей.

Постараюсь описать нашу родословную

Я помню три поколения наших предков. Начну по линии мамы.

Дедушка Рафаил Кац был раввином. Его епархия была на Украине.

Я его не видел. Он умер относительно молодым и был похоронен на еврейском кладбище в Киеве. Его могилу я не мог разыскать. Бабушка Сара прожила долгую жизнь и умерла в 1942 г. во время эвакуации и похоронена на станции Урбах в Немце – Поволжье. О бабушке я подробно расскажу в следующих главах. У них было два сына: Авром-Гирш и Моисей и три дочери – Хesia, Цыля (наша мама) и Бася.

По линии папы у меня меньше сведений. Я помню его маму Блюму, сестер Риву. Симу и брата Нему. Ниже постараюсь восстановить генеалогическое древо и описать судьбу каждого. Считаю своим священным долгом выполнить эту миссию, чтобы их имена не сгинули в нашей памяти.

Дядя Авром-Гирш

Авром-Гирш: старший и самый почетный представитель нашей династии. До Великой Отечественной войны проживал в г. Гомель и трудился коммерческим директором конфетной фабрики. Был эвакуирован в г. Оренбург. После войны приехал в Ленинград и поселился в Разливе. Там он приобрел двухэтажный дом на берегу озера Разлив. Благодаря нему в дальнейшем Разлив стал прибежищем нас всех оставшихся в живых после войны. Умер в 1952 году и похоронен на еврейском кладбище в Сестрорецке.

Его старший сын Сымен был добрым и порядочным человеком с трудной судьбой. В детстве, во время игры со сверстниками, он лишился глаза. Это обстоятельство, очевидно, оказало влияние на всю его последующую жизнь. Серьезного образования он не получил. Работал старьевщиком. На своей лошади с телегой собирал старые вещи, остатки старой металлической посуды, медные самовары, пришедшие в негодность и др. Все это он сдавал в утиль и неплохо зарабатывал на жизнь. Две его дочери в настоящее время проживают в Израиле.

Второй сын Рафаил получил высшее образование, и некоторое время преподавал математику. Но скудная зарплата вынудила его уйти в торговлю. Работал в овощном магазине. В те годы, когда трудно было купить в магазинах продукты, я у него отоваривался отборными фруктами и овощами. Умер он в 1979 году. Смерть была трагической. За очередным обедом на работе он вместе со щами проглотил щепку от деревянной бочки, в которой хранилась квашеная капуста. Произошло прободение кишечника и началось заражение крови. Он умирал в страшных муках в больнице на моих глазах. Похоронен также на Сестрорецком кладбище. Его единственный сын, студент Университета, неизвестно, как и куда пропал. А дочка Инна с семьей проживает в Израиле.

Третий сын Шлема (Соломон) был директором галантерейного магазина. Он вместе с женой Соней и дочерью Женей эмигрировал в США и жил в Нью-Йорке. Он и его жена похоронены в Нью-Йорке.

Четвертый сын Саша после окончания учебы на стоматолога был призван в армию и служил на Севастопольской морской базе. В первый месяц войны, после жестокого сопротивления моряков, Севастополь был взят немцами. Саша оказался в плену, где ему грозила верная смерть. Но случаются чудеса. Он выдал себя за татарина и под фамилией доктор Квасов благополучно, после окончания войны, вернулся в Гомель, где продолжил врачебную практику.

Еще у Аврома-Гирша была дочь Цыля. Она была, на наш взгляд, непутевой женщиной. О её судьбе мне ничего не известно.

На этом заканчиваю описание судьбы одного семейства.

Моисей был женат на Саре-Малке. У них было трое детей.

Самуил 1923 года рождения. В 1940 году поступил в Ленинградский Политехнический институт. В 1941 году, с началом войны, устроился работать на завод в надежде получить бронь от призыва в армию.

Но во время блокады города его призвали в ополчение, где в расположения части у музея Суворова) он умер от голода.

Со вторым сыном Рафаилом и дочерью Линой мы прожили вместе всю войну. О них я расскажу в следующих главах.

Хеся с мужем жили на окраине Журавичей в маленьком покосившемся домике.

У них было три сына. Старший Мотик (Матвей), Саша и Абраша.

Сыновья к началу войны жили в Ленинграде, а сами они остались в оккупации в Журавичах, не имея возможности выехать.

Судьба Хеси с мужем была трагичной. Её муж Исаак всю первую мировую войну провел в немецком плену и вернулся из плена в немецкой солдатской шинели. Из-за бедности и старой привычки все жизнь носил шинели, сменив немецкую шинель на красноармейскую. В очередной поход в соседнюю деревню за картошкой немецкий патруль принял их очевидно за партизан, их насторожила шинель Исаака, и пулеметной очередью их расстрелял. Нам это стало известно от местных крестьян после войны.

Сын Мотя учился на 4 курсе Ленинградского Университета на факультете журналистики. Перед самой войной, по комсомольскому набору, его призвали в ряды КГБ. После войны он был начальником КГБ в городе Боровичи Новгородской области. Там и похоронен.

У него был сын Валерий и дочка. Валерий, по моей протекции, поступил в Институт Путей Сообщений и закончил факультет Мосты и Тоннели, продолжив традиции нашей семьи.

До начала войны Саша работал на заводе токарем высшего разряда, а Абраша учился в Университете на математическом факультете. Он был очень талантлив, имел хорошие успехи в учебе.

Оба они уже имели предписания от военкомата о скором призыве в армию. Саше предстояло служить в артиллерии, а Абраше в пехоте. Саша брезгливо дразнил брата «пяхотой». В начале войны они оба погибли на Белорусском фронте.

О нашей маме Цыле и папе Ароне я напишу в других главах.

Бася с мужем Зямой (Соломоном) задолго до войны жили в Ленинграде. Соломон Друкарев был мастером на все руки (меховщиком, мастером головных уборов и др.)

Их дом был перевалочным пунктом для молодежи из Журавичей в Ленинград.

Это трогательно описал в своем стихотворении их сын Рафаил.

*Эти стихи я Фоле посвящаю,
Наш старший брат, желаю долгих лет!
Тебя с рождением поздравляю
От всех Журавичских привет!
8.03 1978.*

*Журавичи ребята покидали
Едва прожив 16 лет
Манили их неведомые дали,
Хотелось им увидеть белый свет.*

*С котомкой тощей за плечами,
В последний раз взглянув на бор
С тоской в груди и влажными глазами
Вы оставляли отчий дом.*

*Вас влек к себе Петрова град
И тети Баси кров на время –
Я братья Вами горд и рад,
Упрямое и смелое Вы племя!*

*Вы все прошли тяжелый путь,
Сквозь гром войны, потери и невзгоды.
И нет в живых уж многих пусть.
Мы не забудем их и через годы!*

*Не мало вод в Журавке утекло!
Мы братья все немножко постарели,
И не беда, что кудри поседали
Но встретились и на душе тепло.*

Это стихотворение посвящено мне в связи с 50 летним юбилеем.

В конце 50-х годов семья Друкаревых переехала из Ленинграда в Разлив, и поселились не далеко от нашего дома. Я вспоминаю, как часто мама и Бася совершали прогулки вокруг наших домов, и было радостно видеть их дружбу.

Но недолго длилась эта идиллия. Начался массовый исход евреев (уже в который раз!). Первыми в нашей «мишпохе» был мой брат Соломон с семьей, а потом последовали Зяма Шахнович с женой Идой и сыном Борей. Зяма с Басей долго не решались на такой серьезный шаг. Я помню, что Зяма Друкарев по телефону неоднократно просил Шахновичей подтвердить,

надо ли ехать? И, наконец, они уехали, и вслед за ними уехали Фолька с семьей. Так мы остались одни. Кроме нас в Разливе еще осталась семья Моисея Каца. О них я напишу подробно в следующих главах.

А по папиной линии я помню его брата Наума, сестер Риву, Симу и смутно бабушку Блюму. Они жили в Могилеве, и мы мало общались. Наум и Рива после войны приезжали к нам в Разлив. Закончили они свой жизненный путь в г. Клинцы. Сима (в замужестве сменила фамилию Гершанок на Чорная) с семьей (сын Володя и дочка) жили в Свердловске, и я часто у них бывал, находясь там в командировках. Тетя Сима и её сын Володя были похоронены в Свердловске, а внук и внучка живут в Израиле. О семьях Друкаревых и Шахновичей я напишу подробнее в следующих главах.

Глава 2. Рождение нашей семьи в любви и муках.

Я родился 23 мая 1929 г., и все события, произошедшие до моего рождения, я буду излагать по семейной легенде.

Сначала следует отразить пути миграции еврейского народа в средние века, после их бегства из Египетского рабства, хождению 40 лет по пустыне и изгнании их с «земли обетованной».

В 8-11 века юг Испании был «золотой эрой» для еврейского народа. Но в 1492 г. евреи также были изгнаны из Испании (с установлением там христианства). Они устремились в Польшу, Германию и Австро-Венгрию, а оттуда и в Россию. Таков, на мой взгляд, путь зарождения нашего рода в России. Но в 1905-1907 годах, после волны погромов, начался массовый исход евреев и из России, который продолжается до сих пор. Погромы продолжались и после 1917 г.

Начну дальнейшее повествование с конца 19 века.

Наш отец Арон родился в 1894 г. в бедной семье. Мальчиком служил подмастерьем у сапожника, где в совершенстве освоил сапожное дело. Будучи 16 – 17-летним юношей, он возглавил отряд самообороны от проникающих с территории Украины (Чернигова) бандитских банд.

Они были неплохо вооружены (благо, после гражданской войны проблемы с оружием не стояло). Одеты они были в шинели, а на головы были напялены мохнатые папахи. Совершали они частые налеты на низкорослых конях с дремучих лесов на еврейские поселения с диким гиканьем и с требованием дорогих вещей (золота, золотых изделий, и т.п.). Часто вырезали целые семьи, в том числе женщин и детей. Рассказывают, что налеты совершались по предварительной наводке местных крестьян. Отец особенно охранял мамину семью, которая считалась относительно состоятельной, так как занималась торговлей и кожевенным производством. Бизнес бабы Сары заключался в торговле дегтем, который служил смазкой ступиц деревянных телег. У нее была небольшая лавка с бочками дегтя, который ей поставляли оптом крестьяне. А она алюминиевым черпаком с длинной ручкой продавала его на вынос. Насколько я помню, фартук на ней всегда был настолько засален, что мог самостоятельно стоять колом.

Бабушка Сара в это время жила с семьей Моисея в своей старинной «усадебке», обнесенной высоким забором. Тетя Бася с Соломоном в то время уже жили в Ленинграде. Они часто присылали ей посылки (селедку, кусковой сахар и др.).

Баба Сара ежедневно совершала длительные походы к нам, тете Хесе, дяде Авром- Гиршу, и всем детям в подоле приносила куски сахара. У нас это был большой дефицит. За ее неугомонность и подвижность мы её называли «баба Сара на колесиках». Дядя Моисей в больших бочках солил шкуры свиней и крупного рогатого скота для дальнейшей выделки кожи. Вот каким было состоятельное сословие по линии бабушки Сары. А папа был из семьи ремесленников и стоял на ступень ниже по рангу о сословиях. Брак между молодыми людьми в таких случаях не поощрялся. Но, несмотря на все предрассудки, настоящая любовь преодолевает все преграды. И случилось то, что должно было случиться.

В это время между молодыми людьми завязалась большая любовь. Папе в то время было 17 лет, а маме – 16. Но принадлежность к разным социальным сословиям стало трагедией, подобной Шекспировской «Ромео и Джульетте».

Свою любовь им пришлось долго скрывать от родных и посторонних обывателей. По рассказам мамы, они уходили в противоположные стороны и тайно встречались в лесу в заранее оговоренном месте. Папа понимал безвыходность положения и искал пути решения проблемы. Единственный путь он видел во временном исчезновении, чтобы дать возможность маме забыть его. Такая возможность представилась с началом первой мировой войны, когда папа был призван в действующую армию. Он прошел всю мировую и гражданскую войны. В гражданскую войну дошел до Варшавы. Впоследствии поляки заставили нас «драпать» назад. Отец рассказал нам о случае во время отступления. Он с группой красноармейцев, стоя по пояс в воде безымянной речушки, держал оборону передовых частей. Его сосед получил тяжелое ранение, и отец на плечах вынес его до полевого госпиталя на расстояние более 10 км. За этот героический поступок отец был представлен к высшей в то время награде – Ордену Красного знамени. Но получить награду ему было не суждено по банальной причине. В очередной раз, предстояло снять передовой заслон наших солдат. В то время вопрос, кому это предстоит совершить, решался демократично – голосованием. Этот поход был смертельно опасен. И после того, как несколько человек отказались от этого похода, папа последовал их примеру. После этого его сняли с представления на награду.

Несколько лет отец не писал писем никому в Журавичи и питал слабую надежду помочь маме последовать совету родных, найти себе достойную пару из своего сословия. Но великая любовь прошла все испытания временем. Папа был красивым молодым человеком, сильным и очень добрым. Мама была под стать ему. К тому же – умной, сильной женщиной и хорошей хозяйкой.

И, наконец, судьба соединила их в 1928 году.

Я подробно описал большую любовь двух незаурядных людей в назидание нашим потомкам. Эту большую любовь они пронесли через все невзгоды Гражданской и Отечественной войны и после военных лишений.

Глава 3. Довоенные детские годы. Безмятежные и тревожные

Обстоятельность папы и забота о будущей семье сказались во всем. Первым делом они решили жить отдельно от своих родных. Для этого отец начал строительство собственного дома. Дом был задуман с размахом и должен был стать одним из лучших на нашей улице. Крыша дома была выполнена из кровельного железа в отличие от соломенных крыш соседних домов. В обширном дворе были возведены сарай для скота и другие хозяйственные постройки.

Но спокойная размеренная жизнь продолжалась недолго.

Мой год рождения (1929 г.) совпал с годом «великого перелома» – началом коллективизации. Это было одно из первых великих преступлений Сталина. У бедных крестьян забирали все, что можно, и заставляли трудиться в колхозах за трудодни, на которые в конце года получали «шиши», а работающих крестьян высылали в студеную Сибирь. Это вам все известно из школьной истории, и я не буду здесь повторяться. Но были трагические истории. Дед Иван Пампуля, невысокого роста, всегда с растрепанной бородой, был достопримечательностью Журавичей. Был он одинок и жил на скудные гроши, которые зарабатывал, занимаясь «извозом». Он любил пофилософствовать лежа на печи, укрывшись «кожухом» – шубой из овечьих шкур. Его заботило, как достать овса и накосить сена для своей лошадки. Он не смог смириться с потерей своей кормилицы-лошадки и решительно отказался входить в колхоз. Спустя некоторое время, после его возвращения из Гомеля и бесхитростного рассказа о чугунной скульптуре Ленина – «сам почернел и нас почернил» навсегда исчез. Так начался «великий террор».

Но мы всего этого не испытывали на себе и продолжали жить, с опаской оглядываясь вокруг.

Я помню себя с 4-х лет, со дня рождения Соломона в 1933 г.

Сейчас продолжу повествование от своего имени и расскажу то, что отложилось в моей памяти и сохранилось в старой голове. Мама рожала в родильном доме, который располагался на окраине Журавичей у самого леса. Помню, как папа отвез роженицу на телеге, и через несколько дней на свет появился мальчик среднего роста и веса. Мы с папой каждый день навещали маму, и помню, что передавали по её просьбе печеные антоновские яблоки. Когда мы привезли их домой и был совершен обряд обрезания, встал вопрос об имени мальчика. По старой еврейской традиции, первенцу давали имя покойного отца матери. Так я стал Рафаилом (Фoley), пятым в династии бабушки Сары (считая её покойного мужа). А второму ребенку папа хотел дать имя покойного отца – Хаим. Но, мама, будучи властной женщиной, настояла на имени Шолом (Соломон) – родного брата Рафаила. Папа был очень расстроен и на несколько недель покинул дом. Но постепенно все улеглось, и Соломон стал самым дорогим и любимым сыном. Его любовно звали Шолымка на всю оставшуюся жизнь.

Так мы росли, окруженные заботой и любовью папы и мамы. Но советская пропаганда о несокрушимости Красной Армии и о том, что «мы всех сильнее»,

сделала наши детские игры военными сражениями с невидимым врагом. Мы мастерили фанерные танки, деревянные автоматы с трещотками и др. Уходили ватагой в лес и вели «ожесточенные бои». Папа, занимаясь сапожным делом по ночам (дабы избежать обложения непомерным налогом), официально работал на торфоразработках. На своей лошадке с телегой, по топким болотистым дорогам, возил торф на просушку. Хочу отметить, что любовь к лошадям папа пронес через всю свою жизнь, о чем я опишу подробнее далее. Большая любовь к лошадям, очевидно, передается к последующим поколениям. Вот и моя внучка Алиса (дочь Миши) без ума от лошадок и при всяком удобном случае с большой радостью готова совершить верховую прогулку.

Настало время пойти в школу, чтобы набраться ума-разума. В это время в Журавичах были две школы – белорусская и еврейская. Еврейская школа – хедер (Сталинская показуха) располагалась в маленьком доме, где ребе вел занятия с 5 учениками. Этот вариант автоматически отпадал. Белорусская школа не прельщала из-за очевидной необходимости в дальнейшем продолжать учебу в Ленинграде. Но делать было нечего, и меня, мальчика из еврейской семьи, с большим трудом приняли в белорусскую школу. Это был 1937 г., за 4 года до начала войны. Шолымка сидел дома с мамой и каждый день встречал меня из школы.

Интересно отметить, что обе школы располагались на одном дворе, и часто зимой устраивались снежные баталии между учениками этих школ. До более серьезных инцидентов дело не доходило.

Где только не работал папа на своей лошадке! С такими, как он, молодыми и смелыми, возил из Рогачева и Гомеля в наш магазин продукты, водку, пиво и т.п. Тогда это было рискованное мероприятие. Кругом орудовали бандитские шайки. Одно время он работал на спиртзаводе в деревне Хатовня; подвозил картошку к месту её переработки. В качестве вознаграждения ему ежедневно полагалось бочка «барды» (отходы после переработки картошки), которую еще теплую с удовольствием поедала наша мурка (корова).

В 1921 г. Ленин сменил политику «военного коммунизма», которую проводили в Гражданскую войну на НЭП (новую экономическую политику). Дали возможность заняться частным бизнесом. Папа открыл свою сапожную мастерскую и магазин кожаных изделий. Но эта вольность продолжалась недолго. Уже через год у него все конфисковали, и на этом кончилась привольная жизнь.

А в 1932 г. была проведена операция по изъятию ценностей (золотых слитков, золотых монет и др.) у населения. Я хорошо помню, как мама прятала золотые монеты в пачке хозяйственного мыла, использовала их в качестве пуговиц мантии (летнего пальто). Время было суровое. Сажали в ямы с целью признания, где хранят золото. Все это переживали в большой тревоге.

В конце концов папа устроился на работу в кооперативную сапожную артель «Красный большевик», где и проработал до начала войны. А приближение войны чувствовалось с каждым днем.

В 1939 г. в Белоруссии были проведены грандиозные военные маневры. В них участвовали «конница Буденного», пушки с конной тягой, пехота в запыленных шинелях и др. Нам, мальчишкам, было очень интересно за всем этим

наблюдать. Вживую видеть Ворошилова, Буденного, Уборевича (командующего Белорусским военным округом, в последующем застреленного как врага народа), Белова (расстрелянного в первые дни войны за прорыв немцев к Минску) и многих других. Разразилась война с Финляндией, и приближалась Великая Отечественная Война.

Хочу вернуться к описанию быта Еврейского местечка, хоть и уверен, что я это сделаю хуже Шолом-Алейхема. Но в нашем быту были особенности, которые достойны упоминания.

В местечке было три ритуальных здания – синагога, церковь и костел. Синагога размещалась в небольшом деревянном двухэтажном доме с соломенной крышей. Мужчины совершали молитвы на первом парадном этаже, а женщины, по традиции, молились на втором этаже. Соломенные крыши большинства домов, в том числе и синагоги, служили причиной частых пожаров, уничтожающих более половины местечка. Поэтому синагога неоднократно перестраивалась. Церковь тоже была бревенчатой с позолоченными куполами, а у входа четыре дубовых колонны поддерживали парадный придел. А самым монументальным был кирпичный католический костел с синими куполами и отдельно стоящей часовней в память о каком-то знатном ксендзе.

Во времена «безбожия» с крыши церкви купола были сброшены и уничтожены, великолепный костел разрушен до основания, а его месте был разбит городской парк, с клумбами цветов и скамейками для отдыха. Большого кощунства нельзя было придумать.

Это что касалось духовной жизни небольшого местечка. Были и незабываемые дни развлечений. В каждый воскресный день на большой базарной площади проходили многолюдные базары. Там продавалось все, от всевозможной гончарной посуды собственного производства до гусей и кур, бочек с селедкой, всякими сладостями и соленьями. Для нас, ребят, это было самими запоминающимися праздниками. Особенно нам нравилась торговля лошадьми. Этим занимались цыгане, которые табором стояли в окрестности. Мы часто посещали их стоянки с кибитками, слушали задушевные песни под гитару и наблюдали за зажигательными танцами цыганят. Забегая вперед, хочу сказать, что их постигла та же судьба, что и евреев, оказавшихся в немецком плену.

Хочу отметить интересную деталь, связанную с базарами (по-белорусски «кирмаш»). Обычно, рано утром в воскресенье, к нам во двор съезжались знакомые крестьяне. Распрягали лошадей и кормили их, вешая на морду мешок с овсом. А сами доставали завернутый в холщевую тряпку крупный кусок сала и с черным круглым подовым хлебом приступали к завтраку. Мы их угощали чаем из большого медного самовара. Чем не идиллия, которая во время немецкой оккупации переросла в предательство с уничтожением многих «старых друзей».

Я полагаю, что эта моя вставка не нарушила цельность моего повествования.

Несколько слов о нашей повседневной жизни. Стол у нас был смешанным. Мама потребляла только кошерную пищу, пользуясь при этом своей кошерной посудой. В пятницу вечером перед зажженной свечой произносила молитву. Причем свечу зажигала наша соседка Мария Ивановна. Она же с вечера пятницы и всю субботу выполняла работу по хозяйству. Папа и мы не брезгали любой

пищей, включая свинину. Особый ритуал совершался накануне пасхи (пейсах). Задолго до пасхи в каждой еврейской семье готовили гусей для получения гусиного жира и вкуснейших шкварок.

Подготовка гусей заключалась в их откорме к пасхе с максимальными жировыми отложениями. Для этой цели их кормили в подвешенном состоянии, чтобы исключить потерю веса от движения. Перед пасхой начиналась массовая переработка их на гусиный жир и шкварки. Для ощипывания гусиных тушек собирался коллектив соседей. Кроме того, они же очищали перья, собирая пух для перин и подушек. Затем наступала пора готовить мацу к пасхе. Для этой цели собирался коллектив мужчин и женщин до 10 – 15 человек. Одни готовили тесто, другие его раскатывали, а третьи наносили шестеренкой от часов отверстия, чтобы исключить вспучивание при выпечке. Но самым интересным представлял сам процесс выпечки мацы в раскаленной русской печи. Обычно это совершал папа с помощью деревянной лопатки с длинной ручкой, ловко жонглируя с блином теста, обеспечивая равномерную его выпечку.

Все эти еврейские ритуалы не мешали нам готовить на зиму и свиное мясо с салом.

Обычно летом мы покупали пару поросят и откармливали их отходами пищи со стола и картошкой. В конце осени один из поросят вырастал в здорового хряка и шел на засолку мяса и сала в деревянной бочке. Второго кабана мы «приговаривали» к новому году. Часть мяса и сало мы потребляли сами, а часть шла на продажу. Кроме того, на зиму мы заготавливали достаточно много картошки. Картошка хранилась в гуртах (белорусское название – копяк), что представляло собой пирамиду насыпанной сухой картошки, укрытой соломой и обсыпанной слоем земли. Кроме того, обязательным была заготовка бочки соленых огурцов и квашеной капусты. С такими заготовками не страшны были любые холодные зимы. Пищу готовили в русской печи, как правило, в чугунных горшках, перемещая их с помощью специальных ухватов. Для подогрева пищи часто пользовались примусом, а для выпечки тортов – керосинкой со специальной насадкой (это устройство называли чудо-печкой).

Глава 4. Начало Великой Отечественной войны

Фото 2. Рафаил и Соломон 1941 г.

Незадолго до войны к нам провели радио. Радио транслировали через черные бумажные тарелки – «рупора». Кроме домов, они висели на столбах в центре. Радость была невероятной. Мама никак не могла понять, как это по проводам передается текст и музыка. Она писала Басе в Ленинград, что «радио шпилт, а Шолымка танцт». Об электричестве не было и речи, её заменяли керосиновые лампы. Но тарелки на то и были черными, что приносили черные вести. 22 июня 1941 г. по радио объявили о начале войны. Это был солнечный воскресный день. На базарную площадь приехала грузовая полуприцепка с раскрытыми бортами, и с трибуны председатель райкома Полуйко (как сейчас помню) объявил, что сейчас будет транслироваться речь Молотова (министра иностранных дел). Он объявил, что на нас вероломно напал злейший враг – немецкие фашисты. Но наше дело правое, и мы победим. Сталин в это время был страшно растерян, так как не мог поверить, что Гитлер нарушил пакт о ненападении.

На площади присутствовало почти все взрослое население. Все бросились в единственный магазин и в ужасной давке стали скупать соль, спички, муку и др. Позже мы убедились, что все это стало страшным дефицитом на все военное время.

Через несколько дней в Журавичах стали появляться беженцы, в основном студенты из Минских вузов и жители западной Белоруссии и Бреста. Еще через две недели немцы подошли к реке Днепр, а это около 15 км от Журавичей. До нас уже доносились отзвуки фронтовых боев (взрывы снарядов, пулеметные очереди, бомбовые удары и др.). Через нас днем и ночью проходили на фронт наши войска – серые ряды пехоты, орудия на конной тяге, конница. Ни одного танка я не видел, а ведь это была война тигров и пантер. Не могу понять,

как наши войска удерживали линию фронта у Днепра около месяца. Это нас спасло от немедленного пленения. Но страха натерпелись немало. Мы, мальчишки, с любопытством наблюдали за воздушными боями, где наши фанерные истребители моментально сбивались бронированными мессершмитами. Немецкие летчики тогда еще не охотились за мирными жителями и из кабины победно махали нам рукой. Как я сейчас понял, мы удерживали немцев живым щитом из многих тысяч практически безоружных солдат. С поля боя непрерывным потоком везли на повозках тяжело раненных, окровавленных и наскоро перебинтованных наших солдат. Их мучила боль и жажда. Мы выносили им горшки с молоком, ведра с водой и простыни для перевязки. Многие из них, кто был в сознании, давали нам домашний адрес и просили написать своим, что они пока живы.

Настало время и нам готовиться к бегству, хотя военное командование утверждало, что Днепр – последний рубеж к отступлению наших войск. Мы пытались схоронить некоторые вещи и продукты, полагая, что скоро вернемся. У нашего дома мы вырыли глубокую яму, куда спрятали всякие съестные продукты и ценные вещи. Все это сделал папа до его призыва в армию. Уже стало опасно оставаться в нашем доме, так как он располагался в центре и были угрозы попадания снарядов и бомб. Тогда мы решили перебраться в дом бабушки Сары, который располагался в стороне от центра. Там в старом амбаре мы с Моисеем вырыли яму, в которой спрятали остатки вещей. Яму засыпали землей и укрыли навозом. С историей этого захоронения произошел невероятный случай, о котором я расскажу потом. Вера в скорое возвращение нас еще не покидала.

В первых числах августа мобилизовали папу и мы до 1944 г. не имели от него никаких вестей. Вместе с папой на призывной пункт явился и Моисей. Но его скоро отпустили в виду болезни (у него была грыжа). По настоянию папы, Моисей дал клятву, что он нас не покинет, пока папа не вернется с войны или, не дай бог, погибнет. Надо сказать, что он с честью сдержал данную клятву. Хорошо помню, как папа с холщевым заплечным мешком и нами на руках долго не мог распрощаться с мамой, нами и с домом. Разлука растянулась на целые четыре года.

Фронтовые тучи сгущались над нами. И, надо отдать должное районным властям, нас настойчиво убеждали в необходимости срочно уезжать, так как, по рассказам беженцев из Польши и Белоруссии, немцы уничтожали всех евреев от мала до велика. Но взрослые не верили в это, так как немцы в 1914 г., подойдя к Журавичам на 10 -15 км, вели себя дружелюбно и даже оживленно торговали с еврейскими купцами. Но районные власти (как это ни странно) настояли на своем, к нашему счастью. В один поздний вечер, когда небо полыхало заревом рвавшихся снарядов, нас всех собрали у здания райкома. Председатель райкома, прежде чем уйти в партизаны, по заранее заготовленному списку семей красноармеек раздал всем нам по лошади с повозкой, конфискованных в колхозах, для немедленного отъезда

Мы загрузили на телегу некоторые вещи, швейную машину «Зингер». Привязали к телеге нашу кормилицу-корову и обозом приблизительно из 30

повозок двинулись ночью в сторону г. Чечерск на реке «Сож» в 40 км от Журавичей. Там мы заселились в здание бывшего детского садика. Рядом был большой фруктовый сад с крытым навесом и грудой ящиков с антоновкой. Так что проблемы с едой не было. Мы немного расслабились и готовились к поездке в Журавичи за теплыми вещами. Я с Соломоном пас нашу лошадку и корову на неубранном поле цветущего клевера. С начала все было спокойно, но в один прекрасный день немецкая эскадрилья на бреющем полете стала бомбить мост через реку «Сож» в километре от нас. Нам казалось, что бомбы со страшным свистом летят прямо на нас. Я машинально прикрыл собой дрожащего Соломона. Но все обошлось, и мы наконец нашли нашу скотину и вернулись домой.

Все же в конце сентября мама с Моисеем поехали в Журавичи. На подъезде к местечку с высокого места у ветряной мельницы они заметили, что село объято густым дымом, и немецкие войска, прорвав нашу оборону, заняли наши Журавичи. Повернув повозку, они галопом помчались в Чечерск.

Это произошло уже поздним вечером, и мы стали лихорадочно собираться бежать дальше. Некоторые семьи последовали нашему примеру, но большинство решили дожидаться утра. Это была их роковой ошибкой, так как утром немцы уже заняли город. Я опишу их дальнейшую судьбу в следующих главах. Мы, и несколько семей, бежавших вместе с нами, двинулись к паромной переправе через реку Сож, так как мост уже был взорван.

У парома толпились сотни людей, в основном ополченцы, которые второпях избавлялись от своих винтовок, бросая их в реку.

Паромщик сбежал, и нам самим пришлось освоить управление переполненным паромом. Запряженные повозки с перепуганными лошадьми еле помещались на небольшом пароме. Стоял плач детей и крики испуганных матерей. Несколько груженых повозок вместе с лошадьми и детьми скатились с парома в реку. Эту обстановку нельзя описать без слез. Наконец, мы перебрались с большим трудом на другой берег и рысью помчались от преследующих нас по пятам немцев.

Мы двинулись в сторону Украины через всю Белоруссию. Я с Шольмом по очереди управляли лошадью, пока сон не одолевал нас. Ехали в основном ночью по проселочным дорогам, а по главным дорогам нескончаемым потоком шли отступающие красноармейцы. Через некоторые села нас не пропускали бородатые мужики из-за боязни бомбовых налетов. А в некоторых селах нас встречали с хлебом и солью на белых вышитых полотенцах. Как все в нашем мире непредсказуемо! Наша-кормилица корова следовала на привязи за нами, и мама надаивала нам по кружке молока, чтобы утолить жажду. А сама мама просила у сельчан какую-нибудь еду. Как правило, ей не отказывали и давали хлеб, яблоки и др. Наш обоз беженцев часто обстреливали на бреющем полете из пулемета немецкие летчики. Соломон очень боялся таких налетов и убегал куда глаза глядят (ведь он был маленьким), а мы очень боялись его потерять. Мы часто встречали в дороге потерянных таким образом детей. Часто приходилось слышать: «куда вы едете? Ведь там уже немцы!» Немцы сбрасывали десант, часто в виде одного танка и устраивали таким образом панику. И здесь я впервые увидел пленного немца. Он сидел на пригорке в мундире войск СС, был чисто

выбрит, с засученными рукавами, и с презрительным видом взирал на нас и свою охрану.

Двигаясь по ночам, мы миновали объятый пламенем г. Клинцы, со знаменитой в то время спичечной фабрикой «Маяк». Пожары сопровождали нас практически на всем пути. Однажды, когда мы проезжали село Большие Бобовичи с горящими с двух сторон домами, нам навстречу выбежала обезумевшая молодая женщина с причитаниями о сгоревших в соседнем доме ее детях и старушке-матери. Она вызвала у нас неизгладимое впечатление, несмотря на наше бедственное положение.

Таким образом, преследуемые немцами, мы наконец добрались до города Конотоп на Украине с большой узловой железнодорожной станцией. Здесь мы решили завершить свой конный поход и воспользоваться эвакуационными составами теплушек, направляемыми вглубь страны. Хочу отметить, что весь описанный поход мы совершили вместе с семьей Моисея (сын Рафаил, дочка Лина и две бабушки – баба Сара и баба Блюма) и семьей Меера Шапиро (сын Борис и две дочери – Белла и Люба). Со слезами на глазах на базарной площади мы вынуждены были расстаться с нашими спасительницами – коровой и резвой бурой лошадкой. Они сиротливо проводили нас, когда мы переносили свои шмотки на перрон вокзала. А мы еще долго мысленно прощались с ними навсегда. Мы загрузились в теплушку, наполненную почти до отказа. Самой дорогой вещью была швейная машина «Зингер», с которой мы не расставались всю войну и привезли её после войны в Журавичи. Она нас спасала от голода в эвакуации. Я освоил шитьё рукавиц из овечьих меховых шкур, а мама шила на заказ всякую всячину. За это с нами рассчитывались хлебом. Сделанное отступление связано с большой благодарностью американскому портному Зингеру за великое изобретение. И, скажу напоследок, я до сих пор жалею, что оставил её при продаже нашего дома в Разливе. Ведь это была раритетная вещь, но в городе для неё уже не было места.

На станции Конотоп мы ждали отправления состава несколько дней, это время необходимо было для полной комплектации состава. Здесь мы впервые увидели настоящую бомбежку. Налеты совершались ежечасно, вокзал сгорел, и укрыться нам было негде. Мы прятались под вагонами, в том числе и цистернами с горючим, за чугунными колесами вагонов. Шансов выжить в этом аду было мало, но нам повезло, и мы наконец двинулись дальше в неизвестность.

Глава 5. Жизнь в эвакуации в европейской части страны (если это можно назвать «жизнь»!)

До жизни в эвакуации нам предстоял долгий и трудный путь. Когда мы отъехали от Конотопа на 30 – 40 км, нас снова настигли немецкие самолеты. На бреющем полете (это их отработанный маневр) два самолета зажигательными пулями прошли по нашему составу. Два передних вагона загорелись, и все кто там находились, заживо сгорели, не успев освободить откатную дверь вагона. Мы все из оставшихся вагонов бросились в открытое поле в рассыпную,

подальше от «стервятников». Нам повезло, что паровоз остался невредим, и мы продолжили свой путь. Хочу отметить, что в нашем составе, был какой-то порядок. Работала полевая кухня. Но каши и хлеба не хватало. Мы испытывали постоянный голод.

На встречных путях шли бесконечные составы с солдатами-сибиряками на фронт, в основном под Москву. Мы с Соломоном просили у них еду, и они щедро угощали нас котелками каши, сухарями и др.

Так мы глубокой осенью добрались до деревни Федоровская Тамбовской области. Здесь нас поселили в небольшой избе вместе с семьей Моисея и двумя бабушками.

В деревне шла уборка урожая. Я с мамой стал работать на уборке пшеницы и сена. Сначала мы сильно уставали, но потом втянулись. По окончанию работ нам дали несколько мешков муки и картошки. В этой деревне я пошел в 5 класс, а Соломон – в 1 класс. Здесь мы перезимовали, а весной 1942 г., когда немцы подошли к Сталинграду, всех немцев из Поволжья за 24 часа выселили в Казахстанские степи. Сталин издал указ о добровольном переселении всего эвакуированного населения в Поволжье с обещаниями предоставить всем дом, корову и др. прелести. И мы, конечно, согласились и снова погрузились в товарные вагоны – теплушки, в которых несколько недель добирались до станции Урбах Мариентальского района Саратовской области. Здесь нас поселили в здании школы в невероятной тесноте. Достаточно сказать, что мы расположились на наших тюках под самым потолком, а бабушку Сару оградили спинкой от саней, чтобы её не затоптали. Ждали прохода паводка, так как дороги были непроходимы. А ждать пришлось более месяца. За это время бабушка Сара умерла, и мы её похоронили на безымянном кладбище. Как и на могиле дедушки Рафаила, так и на её могиле мне не пришлось больше бывать. К сожалению, могилы наших родных разбросаны по всей стране и даже по разным континентам.

В конце концов, мы добрались до деревни Лилиенфельд, где вместе с семьей Моисея поселились в брошенном немцами доме из самана (солома, перемешанная с глиной). Это район степей, где нет леса. Топить печь приходилось бурьяном или соломой. Правда, все эвакуированные («выковырованные», как нас называли), сначала ломали в соседних домах деревянные оконные рамы, двери и все, что горело. По всему, что сохранилось в деревне, можно было предположить, что жили немцы зажиточно. В центре возвышалась двухэтажная кирпичная школа, дороги ухожены, много зелени. По окраине деревни протекала живописная речка (рукав Волги). В пойме реки располагались овощные угодья с искусственным орошением (ведь часто случались засушливые годы). Скоро все это было разорено приезжими. А мы из обещанного ничего не получили. Жизнь, как всегда, была полуголодной, и надо было искать выход. Правда, председатель колхоза Долгов настойчиво рекомендовал ловить сусликов, откормленных пшеницей, и употреблять их в пищу. Но они у нас ассоциировались с крысами, и мы не последовали его совету. Правда, мы, мальчишки, ловили их капканами или вытапливали из нор водой, снимали шкурки и сдавали в магазин. Доход от этого «бизнеса» был мизерный. Надо было искать другую работу. Мы с Соломоном подрядились пасти коров, сначала у местных жителей, а потом колхозный скот. Это

оказалось тяжелой и опасной работой. Кругом была необозримая степь, в которую война загнала множество диких животных со всей Европы. Особенно лютовали стаи волков, которые часто преследовали нас и наш скот. Мы уже знали, что они редко беспричинно нападали на людей, а основная охота разворачивалась на стада овец, коров с телятами, жеребят и др. Мы были ещё дети (мне было 14 лет, а Соломону – 10), а нам пришлось вести сражения со стаями волков. Основным оружием у нас была «колотушка». Оно представляло собой палку длиной 1 метр, на которой была закреплена проволока с нанизанными металлическими шайбами. При встряхивании раздавался устрашающий волков звон, который их отпугивал. Обычно волки появлялись внезапно и окружали наше стадо, занимая выжидательную позицию в виде неподвижных столбиков с настороженными ушами. При появлении волков наш скот занимал круговую оборону, а в середине размещались молодое поколение (телята, ягнята и др.). Вот где проявлялся врожденный инстинкт самообороны! А мы в это время устраивали своими «колотушками» шумовой концерт. За все время нам удалось уберечь наше стадо от голодных стай волков. Вот так мне с Соломоном приходилось зарабатывать на скудное пропитание. Но голь на выдумки хитра. Мы научились в полевых условиях надаивать нужное количество молока. А сделать это было непросто, так как дойные коровы редко подпускали к себе. Мы ухитрились на рога набрасывать веревку и одной ногой придерживать корову на месте. В это время надаивали в банку молоко. При этом мы с перерывами учились в школе, расположенной в 5 км от нашей деревни.

Хочу отметить одну особенность хозяйства поволжских немцев. Все пшеничные поля располагались на расстоянии 10 – 15 км от деревни и обслуживались двумя бригадами, в которых была сосредоточена вся с\х техника и все мужское население на время полевых работ. На время уборки пшеницы меня направили на работу во вторую бригаду. Там мне пришлось работать на комбайне, насеносгребалке, запряженной верблюдом, и еженедельно доставлять сводки в сельский совет о проделанной бригадой работе. Расстояние в 15 км я преодолевал верхом без седла аллюром, держась за гриву лошади. С питанием в бригаде было неважно. Правда, пшеницу мы вручную, на двух кружках из дерева с чугунными насечками, превращали в крупу, из которой варили кашу. Проблема была с солью – ее не имелось совсем. Приходилось искать солончаки или сгребать соль со шкур, и после выпаривания употреблять в пищу. Страшную проблему создавали тучи комаров и мошек, борьба с которыми не приносила ощутимых результатов. Так что условия были как на войне. В свободное от работы время мы усиленно занимались рыбалкой в пересохших рукавах Волги. Рыбы там развелось тьма. Мне на удочку с живцом удалось поймать щуку весом три килограмма. Мама её сразу обменяла на три килограмма жмыха (шелуха после получения пшена). Так мы худо-бедно прожили здесь до конца 1943 года, когда Моисея призвали в трудовую армию и отправили на Урал, в г. Невьянск Свердловской области.

Глава 6. Уральская жизнь. Голод и холод

Переезд на Урал в г. Невьянск уже проходил в более цивилизованной обстановке. Нас разместили в общем пассажирском вагоне, и проезд занял трое суток. Моисея направили на калийный рудник снабженцем. Нас всех вместе поселили на половине дома вдовы красноармейца. Достопримечательностью города была наклонная башня, построенная в 1701 г. Демидовым по указу Петра I. На бывших машиностроительных заводах женщины и подростки изготавливали снаряды. Такого страшного голода мы еще не испытывали. Маме, как жене красноармейца, полагалось по 300 г жмыха на человека.

Мы с Соломоном пошли в школу, где нас подкармливали, давали по ломтику хлеба и стакану чая. Сердобольные ребята иногда отказывались от своей порции в нашу пользу. Можно себе представить, о какой учебе могла идти речь?

Помимо заводов по производству снарядов, много народу работало на золотых приисках, на которых зарплату платили «золотыми боннами». По этим боннам в специализированном магазине можно было купить все: хлеб, колбасу, сыр и др. Мы с Соломоном каждый день после школы заходили в этот магазин, чтобы хотя бы насмотреться и нанюхаться всеми этими прелестями.

От папы все еще не было никаких вестей, несмотря на то, что война подходила к концу.

Еще одним примечательным местом был городской базар. Там шла торговля мясом всяких животных, включая медвежатину. Но цены были невероятные. Ещё продавали кедровые орехи и «сибирские яблоки» – мелкую желтую репу. Как я уже писал, мы везде искали работу, чтобы помочь маме.

На этот раз, под впечатлением магазина с продуктами, которые продавали за бонны, мы решили их заработать на железнодорожной станции при выгрузке вагонов с золотоносным песком. По нашей просьбе, нам предоставили четырехосную платформу, загруженную золотоносным песком, и три совковые лопаты. Работу начали при палящем солнце и на голодный желудок. Через час работы нам удалось разгрузить пятую часть платформы, а силы наши были уже на исходе. Работодатели отнеслись к нам с пониманием и объяснили, что такой труд нам не по силам. Так бонны, к великому нашему сожалению, мы не заработали.

Еще была попытка сделать бизнес (как сейчас говорят) на воде. Мы с Соломоном с чайником и стаканом подходили к проходной завода к концу 16-часовой смены, и измученные жаждой рабочие за гроши покупали у нас воду. На эти гроши мы покупали репу.

Где-то в конце 1944 года мы получили письмо от жителя Журавичей, который служил с папой и был демобилизован вследствие ранения. Он сообщил нам номер воинской части, где они вместе служили. Утекло уже много воды с того времени, и мы не могли поверить в чудо. Мы немедленно написали письмо в эту часть и, к неопишуемой радости, получили ответное письмо от папы. Так, после более чем четырехлетнего неведения, мы наконец установили взаимную

связь. Папа прошел долгий и тяжелый путь по дорогам войны, в саперных войсках, начиная от обороны Москвы под Домодедово до границы с Германией. Папину медаль «За оборону Москвы» я бережно храню с другими орденами и медалями. К этому времени наши войска уже подошли к границе с Германией, и мы с нетерпением ждали окончания этой проклятой войны. И вот настал этот радостный день 9 мая 1945 года. Мама в приоткрытую дверь класса во всеуслышание сообщила эту радостную весть, и мы все помчались на рыночную площадь, где уже шло народное гулянье с гармошкой, песнями и танцами.

Мы стали ждать возвращения папы. Мы с Соломоном каждый день после школы шли на железнодорожную станцию, куда прибывали поезда с солдатами-победителями, в надежде встретить среди них папу. И, наконец, в конце сентября появился папа в облике бравого сержанта, в военной форме с орденами на груди, и молодецкими усами. При нем был фанерный чемодан с несколькими килограммами сала, буханкой круглого хлеба и другой едой. Еще у него был небольшой сверток с трофейным барахлом. Мне особенно запомнилось осеннее пальто с фирменным немецким вельветовым воротником. Вот и все что досталось солдату победителю в кровавой войне с фашистами.

Встреча была трогательной, радостной и со слезами на глазах. На этом закончилась наша суровая жизнь в эвакуации «выковырванными», и мы стали собираться на опаленную родину Журавичи.

Глава 7. Возвращение в Журавичи

Журавичи были освобождены от фашистских захватчиков 25 ноября 1943 г. В освобождении участвовала 269-я стрелковая дивизия (под командованием генерал майора Кубасова А.Ф) , 3-й армии Белорусского фронта и бойцы партизанской 10-й Журавической бригады. При отступлении немцы сожгли 167 домов по центральной улице, в том числе и наш добротный дом. По рассказам очевидцев, немцам пришлось изрядно потрудиться, прежде чем сжечь наш дом. Они дважды возвращались с зажигательными гранатами, чтобы завершить свое подлое дело.

Немцы отступали поспешно через пылающий коридор горячих домов.

Естественно, Журавичи мы застали в полной разрухе.

На наше счастье, на окраине местечка сохранилась покосившаяся бабушкина изба. В этой избе всю войну прожил бывший сосед и рабочий в бабушкиной лавке Тимох. Это был настоящий некрасовский высокорослый больной белорус. Лысая голова была покрыта старым картузом, из-под нависших лохматых бровей еле видны были бесцветные настороженные глаза. Впалые щеки и беззубый рот дополняли вид больного человека. Одет он был в холщовые шаровары (скорее похожие на кальсоны), завязанные на щиколотках тесемками, и рубаше на выпуск, подпоясанной ремешком из сыромятной кожи. Пока Тимох жил в избе, он извел весь дощатый пол на отопление, но под досками обнаружился хорошо утопанный глиняный пол. Кроме того, был сожжен высокий забор с уникальными воротами и все хозяйственные постройки.

По всему было видно, что все ожидания безбедной жизни с приходом «освободителей» от Сталинской тирании не оправдались для нашего Тимоха. Вот в этот дом нам пришлось поселиться вместе семьей Моисея.

И так началась с нуля наша новая жизнь на родине после четырех лет скитаний. Уже наступила осень 1946 г., и надо было решать, как жить дальше. Я пошел в 8-й класс, а Соломон – в 4-й. Работы для папы в Журавичах не было, и он решил отправиться по соседним селам, где его должны были помнить по его старой профессии. Решено – сделано.

Папа собрал в заплечный холщевый мешок весь необходимый сапожный инструмент и отправился в дальнюю опасную дорогу. Надо сказать, что в то время на дорогах свирепствовал бандитизм, благо раздобыть оружия не было проблемы. Переходя из деревни в деревню, папа латал прохудившуюся за войну обувь. Его везде узнавали и ласково называли Аркой, так на белорусский манер проносилось имя Арон. За выполненную работу с ним рассчитывались мукой, крупой, яблоками и другими продуктами. Прошло около двух месяцев тревожных для нас ожиданий, и папа вернулся с двумя телегами, груженными различными продуктами. Все это обеспечило нам относительно сытую зиму.

Ближе к весне как то зашел к нам Тимох «навеселе», после приема на исхудалую грудь стакана самогона, и сказал «по секрету», что он знает, где были захоронены расстрелянные евреи из гетто. Не исключено, что и он принимал участие в их расстреле.

Дождавшись весны, когда земля стала оттаивать, небольшая группа евреев, вернувшихся из эвакуации, и я с Соломоном в том числе, решили вскрыть указанное Тимохом захоронение. Оно находилось в трех километрах от местечка. В стороне от дороги в лесу немцами был вырыт эскарп для укрытия грузовиков от бомб и снарядов. И вот это земляное сооружение было использовано для группового захоронения расстрелянных евреев. При погрузке в крытые брезентом кузова машин на выходе из гетто многие поняли, что везут их к расстрелу. Были попытки к бегству, но охрана и многочисленная толпа полицаев пресекали эти попытки автоматными очередями. По рассказам очевидцев, одной из двух девочек-близняшек, моих одноклассниц, удалось бежать в ближайший двор. Но бдительные соседи приволокли её за шиворот, а старший полицай расшиб тощее тело девочки об угол дома. Дорога в 3 км к месту расстрела, оглашалась криками испуганных детей и плачем матерей.

С дороги к месту расстрела их вели под лай немецких овчарок. Матери закутывали лица платками, чтобы не видеть мучение испуганных детей, которых они вели за руки.

При подходе к яме их всех расстреливали в затылок и укладывали штабелем друг на друга лицом вниз. Когда мы вскрыли захоронение, то все это увидели своими глазами. Трупы хорошо сохранились – песчаный грунт и отсутствие воды этому способствовали. Переворачивая тела, мы легко узнавали лица наших родных и добрых соседей. Два дня мы аккуратно доставали тела и перевозили их на еврейское кладбище, где позднее был сооружен памятник жертвам фашистов.

Надо сказать, что в 150 м от нашего страшного места было подобное захоронение цыган.

Но жизнь продолжалась, и нас захватили весенние заботы.

Настала пора заняться огородом. Как не удивительно, но на земельный участок, где был наш дом, стал претендовать местный житель (бывший милиционер, успешно пользовавшийся нашим огородом всю оккупацию). Естественно, папу глубоко возмутило такое хамство по отношению к нему, прошедшему всю войну. Папа был физически сильным и отчаянным человеком. Он схватился за вилы, и это решило вопрос в нашу пользу. Землю вспахивали с помощью запряженной в плуг коровы, которой мама и я с Соломоном помогали как могли. Папа управлял плугом. Засевали огород в основном картошкой.

Помимо нашего огорода, мы стали осваивать и огород бабушки. Здесь нас ожидало мистическое событие, которое в дальнейшем помогло улучшить наше материальное положение. Я уже писал о том, что, покидая Журавичи, мы самые ценные вещи спрятали в яме, вырытой в старом бабушкином амбаре. Мама аккуратно укладывала вещи в полусогнутом положении и не сразу обратила внимание, что из холщевых кисета, который тогда висел на шее и в котором хранились документы и обручальные кольца, выпали золотые монеты, чудом спасенные от насильственного изъятия людьми в кожаных куртках.

При подготовке грядки к посадке моркови, папа, тщательно выравнивая землю граблями, случайно обратил внимание в одном месте на странный блеск в лучах солнца. После детального осмотра этого места, папа обнаружил золотую монету достоинством 10 руб. Николаевской чеканки. Тогда мы просеяли несколько кубометров земли в этом районе и, как ни странно, нашли все утерянные мамой золотые монеты.

Не мистика ли это?! Тимох все военное время возделывал бабушкин огород, неоднократно перекапывая землю, но справедливость восторжествовала, и потерянное вернулось в руки хозяев. На эти монеты маме сделали зубные коронки и была куплена корова. После всех Так мы подготовились к очередной зиме. Я продолжал учебу в 8-м классе, а Соломон – в пятом.

После окончания мной 9 класса возник вопрос, что делать дальше? Десятого класса в нашей школе не предполагалось создавать. На семейном совете было принято решение, что надо следовать примеру всех наших ребят. Надо ехать в Ленинград для продолжения учебы. И вот я в Ленинграде. Живу у тети Баси, перевалочном пункте всех Журавических ребят. Первым делом я поставил перед собой цель постараться попасть в военное училище, чтобы иметь полное обеспечение, так как на помощь родителей я не хотел рассчитывать. Но имея неполное среднее образование, я не на многое мог рассчитывать. Мой выбор пал на командный отдел ВИТКУ.

Вступительные экзамены я сдал, жил в кубрике и готовился на лесозаготовки. Но вдруг меня осенила мысль, что здесь будут готовить командиров рот, а технического образования я не получу. Меня такая перспектива не устраивала, и в один дождливый вечер я через окно подвала бежал к тете Басе.

Вторая неудачная попытка сопровождала меня при поступлении в Художественно – Промышленное училище на Соляном переулке. Здесь у меня не

хватило художественного таланта. Наконец, я решил поступить в 10 класс 198-й школы. Сначала мне трудно было втягиваться в учебу наряду с коренными Ленинградцами. Ведь я до этого учился урывками.

Одет я был как дитя войны. Брюки – солдатские галифе. На ногах – прохудившиеся папины гамашы, перетянутые ремнем, чтобы не отвалились подошвы. Это был 1946 г. – голодный, суровый послевоенный год. Поздней осенью я заболел и слег с высокой температурой. Сказалась сырая Ленинградская погода и постоянное недоедание. Рентгеновский снимок выявил туберкулезные процессы в легких. Ситуация критическая в чужом городе. Как всегда, спасение ищешь у мамы. Вернулся я в Журавичи, где мама стала лечить меня народными средствами. Благодаря топленому молоку в русской печке со свиным внутренним жиром я вскоре почувствовал себя лучше.

Тяга к учебе привела меня к решению попытаться экстерном сдать экзамены на аттестат зрелости. Начал усиленно готовиться к экзаменам. Ближайшая средняя школа располагалась в 12 км в поселке Довск. Приходилось преодолевать это расстояние пешком перед каждым экзаменом. Мне удалось сдать все экзамены, включая сочинение по литературе на белорусском языке, и получить аттестат зрелости. Летом я снова отправился в Ленинград, но на сей раз – с полным средним образованием.

ГЛАВА 8. 1947 – 1952

И вот я снова в Ленинграде в неутомимом поиске счастливого будущего.

На сей раз я твердо решил поступать в институт. Первым делом я решил познакомиться с рядом институтов. Меня интересовал профиль работы будущих инженеров, наличия общежития и др. После долгих поисков я остановился на Институте инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ). Определяющим обстоятельством при этом было то, что студентам этого вуза на все время учебы предоставлялся бесплатный проезд по железной дороге в купейном вагоне на зимние и летние каникулы по всей территории страны. Сдав вступительные экзамены и пройдя строгую медицинскую комиссию, (мой заизвестковавшийся очаг в легких не вызвал опасений) и я был зачислен студентом факультета «Мосты и Тоннели» ЛИИЖТа.

Это оказался старейший институт не только в Ленинграде, но и в России. Кстати, этот факультет в разное время закончили Соломон и Галя. В прошлом году институту исполнилось 200 лет, и я присутствовал на торжественном собрании как старейший выпускник вуза. После сдачи экзаменов и решения вопроса с общежитием я тут же воспользовался бесплатным проездом и до начала учебного семестра поехал домой. Родители и Соломон были рады моим успехам на учебном поприще.

Побыв месяц дома, я снова вернулся в Ленинград. Город в 1947 г. еще лежал в руинах и после блокады испытывал холод и голод. Всё выдавалось по карточкам. Причем у разных категорий жителей города были разные карточки. Талоны на карточках снабжались надписями с наименованием товара: хлеб,

крупа, жир, спички и др. Помню, что рабочим полагалось 400 г хлеба, а нам, студентам, 200 г. Жир представлял собой белую массу, получаемую по линии Американской помощи и называемой «лярд». Крупу, по желанию, можно было брать перловую, овсяную или макаронные изделия. Карточки можно было отovarить в любой лавке или в столовой. На продукты, получаемых по карточкам, можно было прожить максимум неделю, а затем каждый искал выход из положения. Одни продавали остатки сохранившихся вещей после блокады, другие не гнушались любой работой, чтобы купить на заработанные гроши в коммерческих магазинах дополнительную еду. Нам, студентам, приходилось очень трудно.

Первое общежитие, в котором нас поселили, находилась на Перевозной улице недалеко от моста через реку Пряжка. По пути в общежитие я отovarивал часть продовольственной карточки в полуподвальном магазине на углу проспекта Декабристов и проспекта Маклина. Тут же на углу стоял полуразрушенный дом «сказка», фасад которого был украшен цветными мозаичными панно известных русских сказок. К великому сожалению, при восстановлении дома в целях экономии мозаичные панно не были восстановлены.

Сейчас несколько слов о нашем общежитии. В комнате нас жило восемь юношей из разных районов страны. Как правило, помощи из дома мы не получали. От недоедания мы страшно исхудали, были раздражительны и мало общались друг с другом. Хлеб мы хранили в прикроватных тумбочках. Но однажды ко мне обратился парень из Свердловска и высказал подозрение, что, по его мнению, с нашими пайками хлеба происходит необъяснимая «усушка». Кто-то из наших ребят острым ножом срезал тонкие ломтики хлеба, чтобы трудно было заметить. Конечно, нас это сильно возмутило, и мы решили определить, кто способен на такой подлый поступок. По моему предложению, мы с товарищем настрогали из грифеля чернильного карандаша порошок и незаметно посыпали им все пайки хлеба. Утром было предложено всем раскрыть рот. У одного из парней весь рот оказался в чернилах, что неопровержимо доказывало его виновность. Он, конечно, понес заслуженное наказание. После первого семестра были отчислены неуспевающие студенты, благодаря чему освободились места в общежитии нашего института на улице 7-я Красноармейская. В этом общежитии мне была предоставлена койка в четырехместной комнате. Вместе с нами, россиянами, жил венгр Петрашевич Геза. Он был статный, красивый и упитанный молодой юноша. Геза неплохо владел русским языком, был добр и общителен. В те годы у нас проходили учебу многие студенты из освобожденных от фашистов европейских стран. После двух лет стажировки они возвращались на родину для продолжения учебы. Экипировка этих студентов вызывала у нас неподдельную зависть. Например, Геза носил шикарное пальто-шинель на натуральном меху и соответствующую обувь. В то время как мы поголовно носили зимой и летом лыжные костюмы. Кстати сказать, первый костюм из синтетической ткани производства ГДР я смог позволить себе, учась на четвертом курсе. Интересно отметить, что Геза Петрашевич впоследствии стал министром транспортного

строительства Венгерской Народной Республики и неоднократно бывал у меня в гостях.

Мы постоянно испытывали недоедание и прилагали все усилия для утоления голода. После занятий учебой, а иногда и вместо неё, работали на выгрузке вагонов с овощами. У нас в телогрейках были вшиты потайные карманы и, кроме того, что полагалось в виде оплаты натурой, нам удавалось приносить в общежитии для общего котла дополнительные продукты.

Иногда мы позволяли себе небольшое развлечение, посещая громадную послевоенную барахолку за Обводным каналом. Чего только там не было! Начиная от всяких трофейных вещей, музыкальных инструментов (аккордеонов, губных гармошек и т.п.), сервизов из дорогого фарфора и кончая аттракционами с копейными выигрышами и крупными проигрышами.

Много безногих инвалидов войны, передвигаясь на дощечках с колесиками и деревянными «утюгами» в руках, пытались заработать на пропитание своими небольшими фокусами с петлевыми веревочками. Если петля при натяжении веревочки захватывала твой палец – выигрыш твой. Но фокус заключался в том, что при определенном броске веревочки петля никогда не захватывала твой палец. Для привлечения игроков и зевак они сопровождали свои фокусы пением забавных песен. Как сейчас помню, многие начинались с куплета: «приехал из Америки на дубовом венике...». Все это производило грустное впечатление. Но из всего барахла мне особенно нравились «лондонки», кепки из серого буклистого материала с не теряющим форму каучуковым козырьком. Я постоянно переписывался с родителями. Соломон продолжал успешно учиться в школе. Однажды он мне признался, что каждый раз за обедом мама со слезами на глазах твердит о том, что мы здесь едим, а Фоля там, наверно, голодает. Наша разлука не давала им покоя. Было решено во что бы то ни стало воссоединиться.

И, наконец, такая возможность, казалось бы, представилась.

В Журавичах до глубокой осени работали ленинградцы на уборке картошки, прибывшие на своих машинах. Папа договорился с водителем одной из машин, что за определенную плату он перевезет их со всем хозяйством в Ленинград. И вот глубокой осенью они погрузились в крытый брезентом кузов, захватив с собой какие-то продукты (бочку соленых огурцов, несколько мешков картошки, квашеную капусту и др.). Предварительно они продали дом, корову и другие предметы быта. Дорога предстояла долгая и тяжелая. Начались осенние заморозки, что невероятно осложнило поездку в холодном кузове. Об их отъезде мне сообщил Соломон. Я стал с беспокойством ждать их приезда. Прошло около месяца, а от них – никаких вестей. Я не находил себе места, а беспокойство переросло в страх за их судьбу. Я принял решение немедленно ехать в Журавичи, чтобы на месте выяснить обстоятельства их отъезда.

Бесплатный проезд я уже использовал, а на покупку проездного билета у меня, естественно, при стипендии 45 рублей денег не было. Все же я отправился на вокзал в надежде, как-нибудь сесть на поезд. Находятся все же добрые люди. Проводник разрешил мне забраться на верхнюю полку, а дальше выходить из положения самому. При проходе контролеров с проверкой билетов я прятался в ящике под нижней полкой при полном сочувствии пассажиров. Так я более-менее

благополучно добрался до ближайшей к Журавичам ж.д. станции Рогачев. Оставшиеся 40 км я преодолел на попутных машинах. Прибыв на место, я узнал, что мои уехали месяц тому назад.

Тогда я не без приключений вернулся назад и узнал, что их еще нет. Можно представить мое состояние! Спустя более месяца они наконец добрались до Ленинграда. Вид у них был ужасный. Поселились они в маленьком домике у мамино брата Аврома-Гирша в Разливе (в 35 км от Ленинграда). И тут же у них возникли серьезные проблемы с пребыванием в Ленинграде. В то послевоенное время требовалась обязательная паспортная прописка, которую получить оказалось практически не возможно. Разлив – относительно небольшой населенный пункт, и местная милиция сразу обратила внимание на посторонних людей. Их стали преследовать, с требованием немедленно покинуть Ленинград за пределы 101 км. Они вынуждены были в светлое время суток скрываться в Ленинграде у тети Баси, и только на ночь возвращаться в Разлив. Это продолжалось довольно долго, пока нам не помог Саша Кац – сын Аврома-Гирша. Он работал директором галантерейного магазина и имел обширные знакомства, в том числе и в Большом Доме на Литейном проспекте, 4. Наконец, за определенное вознаграждение, им была предоставлена требуемая прописка и возможность легально проживать в Разливе.

Но, как известно, обычно беда приходит не одна. 14 декабря 1947 г. вышло постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «о проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары», отменявшее с 16 декабря карточную систему снабжения. Для нас беда заключалась в том, что вырученные от продажи дома и коровы деньги были частично переведены на банковский счет, а большая часть осталась на руках наличными.

Основные положения постановления сводились к следующему: во-первых, были выпущены новые деньги образца 1947 г. Все старые деньги подлежали обмену в соотношении 10 рублей старого образца на 1 рубль нового образца; во-вторых, обмен всех наличных денег предлагалось провести в течение недели. Вклады в сбербанках до 3 тысяч рублей обменивались рубль за рубль.

В тот злополучный день 14 декабря мы были у тети Баси и по радио услышали это постановление. Ужас охватил всех нас. Стали думать, как спасти заработанные тяжелым трудом наличные деньги. Папа тут же решил отправиться в глухие места, совсем ему не знакомые, где по нашему мнению могли не знать о предстоящей реформе, и купить там корову. Спустя около двух недель он измученный, обросший черной бородой, вернулся назад ни с чем.

В дополнение ко всем невзгодам, серьезно заболела мама в результате тяжелейшей дороги, неустроенности и всяческих потерь. Она практически лишилась сна, и у нее стал проявляться негативизм на нервной почве. К сожалению, этот тяжелый недуг в большей или в меньшей степени сопровождал ее всю оставшуюся жизнь.

Нас, студентов, денежная реформа мало беспокоила. Мы даже извлекли из нее какие-то выгоды. Во-первых, карточные талоны с 14 по 16 декабря мы успешно подделывали, вычищая острой бритвой единицу, и отоваривали в нашей

столовой до 10 порций макарон. С тех пор и до настоящего времени у меня устойчивая неприязнь к макаронам.

Во-вторых, нас, студентов, направляли в торговые точки – контролировать процесс снятия остатков. Нас там радушно встречали, обильно угощали, а списание остатков производили без нашего участия. После этой небольшой вставки я перейду к дальнейшему описанию нашей жизни в Разливе. На оставшиеся после всех потерь деньги мы купили небольшой домик с одной комнатой и маленькой кухней. Папа начал понемногу зарабатывать на жизнь ремонтом обуви прибывшим на дачу Ленинградцам. Жизнь стала понемногу налаживаться.

Но индивидуальную кустарную деятельность, которая была строго запрещена, в таком маленьком населенном пункте как Разлив, трудно было утаить. Милиция стала нас часто навещать с проверкой и угрозами крупно оштрафовать в случае обнаружения сапожной работы.

Папа вынужден был пойти работать в сапожную мастерскую Промкооперации. Ощущался недостаток в продуктах питания. Но, несмотря на все невзгоды, Соломон продолжал успешно учиться в школе, а я, живя в общежитии, часто навещал их.

После денежной реформы и снижения цен на продукты питания на 10%, студентам стало намного легче. Для нас стало традицией после окончания занятий покупать у уличных торговков на Сенной площади пирожки с ливерной начинкой по 5 коп. за штуку. Кроме того, мы могли себе позволить посещать по праздникам пирожковую на Невском пр. 12, где покупали ливерные пирожки и чашку бульона, сваренного неизвестно на каких костях.

Я неплохо учился и получил право выбрать после третьего курса дальнейшую специализацию по мостам. Это была наиболее сложная и престижная специальность. Соломон в 1951 году блестяще закончил школу (самую малость не хватило до золотой медали) и по стопам старшего брата поступил в ЛИИЖТ на факультет «Мосты и Тоннели». Вместе мы проручились один год.

В 1952 году я окончил курс обучения, и началось распределение в различные районы для постоянной работы. Так как я шел в списке по успеваемости третьим, то мне должны были предоставить право выбора места работы. Я, конечно, предпочел бы Ленинград, но из-за обостренного в то время еврейского вопроса (а когда он был другим?) меня направили строить мосты на железную дорогу Котлас – Воркута. Мне клятвенно обещал на распределении Зам. Министра, что через год я смогу вернуться в Ленинград. Но, несмотря на обещание, мне пришлось проработать на севере более четырех лет (в то время нельзя было добровольно менять место работы).

Соломон к этому времени на все пятерки окончил первый курс.

Родители нами очень гордились. Ведь инженеры путей сообщений во всей истории России 19 века были наиболее востребованными и богатыми людьми. А они, практически безграмотные, смогли вырастить и воспитать таких сыновей! Надо отметить, что Соломон был талантлив и очень трудолюбив. Меня больше отличала предприимчивость. Сейчас это назвали бы «быть хорошим

менеджером». Эти наши черты характера сохранились у нас на всю жизнь.

Молодой инженер Рафаил

Молодой инженер Соломон

Глава 9. 1952 – 1956 годы

Осенью 1952 г. я отправился к месту своей работы в г. Котлас, где базировался Мостопоезд № 803, который занимался заменой временных деревянных мостов на капитальные. Ведь дорогу Котлас – Воркута строили с 1937 силами заключенных ГУЛАГа, а в начале войны работы вели ускоренными темпами для перевозки каменного угля из шахт Воркуты в центральные районы страны, так как угольный Донбасс на юге страны уже был захвачен немцами. Строили эту новую дорогу через топи и болота многие тысячи заключенных.

Говорят, что под каждой шпалой лежат как минимум два трупа. Меня направили на строительный участок, расположенный на железнодорожной станции Межог – заменить спившегося прораба. Рабочие участка располагались в пяти товарных вагонах – теплушках. Сама станция Межог представляла собой небольшое станционное здание с жилой комнатой для дежурных по станции. В этой комнате, где проживали супруги-дежурные, я и поселился. В нескольких километрах от станции располагался жилой поселок бывших заключенных, лишенных права проживания в центральных районах страны и высланных со своих мест проживания – эстонцев, латышей, литовцев, немцев с Поволжья и др. Рабочими на моем участке были бывшие заключенные и завербованные с юга Белоруссии молодые люди, отслужившие в армии, и молодые деревенские

девушки. Встретили меня настороженно. Они считали, что приехал к ним «интеллигентик» и устроили мне первое испытание за накрытым столом в честь моего прибытия. Первым делом они готовились к испытанию водкой, но я был к этому напитку устойчив. И после того, как мне подали полный стакан и я его выпил, мне предложили закусить. Я ответил, что «первый стакан не закусываю». Это меня возвысило в их глазах. Откуда им было знать, что за моими плечами стояли более серьезные жизненные испытания. Вскоре у меня установились с ними деловые и даже дружеские отношения.

Наша работа заключалась в следующем. Вместо временных деревянных мостов мы возводили железобетонные водопропускные трубы, которые потом засыпали

песком.

Песок привозили в Пульмановских полувагонах из Вельска на расстояние около 300 км. Разгрузка песка производилась непосредственно над трубой путем открытия люков и самопроизвольного сползания песка по наклонным поверхностям люков. Обычно мы эту работу выполняли в «окнах», которые нам давал диспетчер в промежутке между проходом поездов. Строительные и монтажные работы выполняли две бригады.

Мужской монтажной бригадой руководил Василий Левченко. Это был статный и доброжелательный молодой человек, прошедший армию. Он собрал бригаду ребят, стремившихся заработать хорошие деньги. Я с ним подружился, и после он неоднократно приезжал ко мне в Ленинград. Женской бригадой руководил Жора, бывший заключенный, отсидевший солидный срок за убийство жены. Но в работе он был исполнительен и трудолюбив. Интересно отметить, что деревенские девушки-колхозницы были беспаспортны, так как им не полагалось иметь паспорта. Устроиться на любую работу они не могли, а вербовка позволяла им покинуть колхоз по справке и заработать неплохие деньги.

В целом с рабочим коллективом мне повезло, что позволило относительно легко адаптироваться к сложным условиям жизни на севере.

Несколько слов о прилегающей к железной дороге местности. Это лесотундра с мшистыми болотами и чередой лагерей заключенных. Через каждые 2 – 3 км располагались мужские или женские лагеря. В мужских лагерях содержались в основном бывшие военнопленные, побывавшие в немецком плену не по своей воле и так называемые «политические», позволившие себе неосторожные высказывания в адрес властей.

В женских лагерях сидели в основном молодые девушки, которым сделали аборт, или те, кто его сделал. Кроме того, многие сидели за «колоски». То есть за сбор оставшихся после прохода комбайна колосков, которые все равно пропадали. Срок за сбор колосков назначали от 5 до 10 лет.

Я часто посещал эти лагеря, где мне предоставлялась возможность поесть горячей пищи в лагерьной столовой. В наших вагонах-теплушках это удовольствие получить было довольно проблематично. Заключенные жили в длинных бараках, оборудованных многоярусными нарами. В бараках было всегда тепло, не в пример нашим вагонам, плохо утепленным и отапливаемым чугунными «буржуйками». Я иногда невольно завидовал им. Правда труд у них был непомерно тяжелым, в основном на лесоповале в трескучие морозы зимой и среди туч комаров и мошек летом.

Из лагерей часто совершались побеги, но бдительные «вохровцы» на вышках бдительно несли свою службу и пулеметными очередями на поражение уничтожали отчаявшихся людей. Охранники были в основном кавказкой национальности. За каждый удачный выстрел они получали недельный отпуск. Но в некоторых случаях побеги проходили успешно. «Беглые» летом питались подножным кормом, но ближе к зиме старались перебраться в населенные пункты или по льду форсировать водные преграды и в товарных вагонах добраться до крупных населенных пунктов. Чтобы предотвратить возможность бегства по железной дороге, а другой возможности не было из-за непроходимых болот, все проходящие с Севера полувагоны с углем протыкались штыками в поиске беглецов. Это было ужасное зрелище.

Вот так протекала моя жизнь на первом прорабском участке.

Но было еще одно серьезное испытание, о котором я не могу не рассказать.

Ранее я писал, что основная наша работа заключалась в разгрузке песка из полувагонов на возведенную нами железобетонную трубу. Но однажды поздней осенью из поданного на разгрузку состава с песком после открытия люков самопроизвольная разгрузка песка не произошла.

Наступили ранние заморозки и, пока состав шел из Вельска, влажный песок замерз. Пришлось состав вернуть на запасной путь станции и решать, что делать. Надо отметить, что каждый час простоя вагона стоил больших денег. А в составе было 12 вагонов, и время простоя пошло не на часы! Хорошо, что я сообразил составить акт с дежурным по станции, что песок прибыл замершим. Тем не менее, бухгалтер Сарафанкин (я хорошо заполнил эту фамилию) пригрозил удержать из моей зарплаты деньги за простой вагонов. Для погашения всей суммы не хватило бы и ста жизней. А вагоны стоят, так как своими силами нам их не разгрузить. Клин, лом и кувалда вызывали только искры. И тут мне пришла в голову мысль: а не пригласить ли на помощь заключенных с соседнего лагеря? За определенную оплату водкой (стабильная валюта в то время) лагерное начальство согласилось разгрузить состав силами заключенных на своих подъездных путях. Сказано – сделано! Так я прошел и это испытание и получил благодарность от начальства.

Так я прожил на станции Межог до ранней весны 1953 г.

Затем меня перевели с повышением до начальника колонны на строительство металлического моста и ряда более мелких объектов на перегоне между двумя станциями. До ближайшей станции было около 10 км. Колонна состояла из 15 вагонов – теплушек и вагона-лавки. Рабочих было человек 120 того же контингента, что и на ст. Межог.

Новое место дислокации колонны представляло собой таежное место с дремучими елями и вековыми соснами. В лесу было море грибов, а в небольших лесных речушках водилось много разной рыбы, в том числе и хариус.

В моем подчинении уже было три прораба, закончивших Московский Институт Железнодорожного Транспорта (МИИТ). Представляет интерес, как мы обустроивали свой быт. В начале в лесу сооружали туалет и рубленую баню, которую топили «по-черному», т.е. без дымовой трубы. Затем перед каждым вагоном устраивали примитивный очаг для приготовления пищи. В мои

обязанности входила также забота о пополнении вагон-лавки необходимыми продуктами и промышленными товарами первой необходимости. Надо отметить, что мы числились первыми в снабжении дефицитными товарами. Так, например, мне удавалось заказать ручные часы «Победа», швейные машины и другие дефицитные в то время товары. Сделаю небольшой экскурс к началу нашего прибытия на это новое место, то есть к началу 1953 года. Накануне смерти Сталина началась мощная антисемитская кампания, борьба с безродным космополитизмом, и, наконец, «дело врачей». Все газеты пестрели фельетонами о евреях-торгашах. При моем приезде в контору Мостопоезда мне их с большим удовольствием зачитывали. Благо в мою колонну газеты не приходили, и антисемитские настроения меня не коснулись. И, наконец, Сталин отдал концы в конце марта 1953 г. Все испытали неподдельный шок: что будет дальше?

Все паровозы в час похорон «вождя всех народов» подавали тревожные гудки и мы, стоя у своих вагонов, вытирали невольные слезы. Но нет худа без добра. Указом Президиума Верховного Совета СССР 27 марта 1953 г. была объявлена амнистия. От наказания освобождались лица, осужденных на сроки до 5 лет, а также мужчины старше 55 лет, женщины старше 50 лет, несовершеннолетние и лица с неизлечимыми болезнями. Всего на свободу вышло более 1 млн. осужденных. Из Воркуты и прилегающих районов шли составы поездов, увешанных, как грозди винограда, бывшими зеками. По пути следования этих поездов сметались все продуктовые лавки, а прилегающие к железной дороге дома подвергались грабежу и насилию. Всем гражданским лицам было рекомендовано не совершать поездки по железной дороге. Время было очень тревожное.

Но жизнь продолжалась.

Пользуясь своим положением начальника колонны, я заказал для себя небольшой хорошо утепленный дощатый домик, который с помощью крана был установлен на расстоянии 6 метров от железнодорожного полотна. Зимой домик заносило снегом, и проблема тепла решалась сама собой. У меня был специальный селекторный телефон, по которому я мог связаться с диспетчером с просьбой дать команду машинисту паровоза сделать остановку у моего домика. Пользуясь этой возможностью, я часто добирался до ближайшей узловой станции, где у меня было много знакомых молодых специалистов (инженеров, врачей, педагогов и молодых людей других специальностей). Мы щедро делились деликатесами, полученными в посылках от родных.

Мне приходилось решать и ряд вопросов бытового плана. Ведь у нас в колонне не было никакой власти, кроме моей. Мне приходилось разрешать семейные споры, взаимные претензии, разводить драки и т.п. А мне в то время было всего двадцать четыре года! Современная молодежь в эти годы пороха не нюхала и я не представляю их на моем месте.

Все это время я часто переписывался со своими родителями и регулярно посылал им денежные переводы. Ведь я неплохо зарабатывал. Кроме того, что у меня был хороший оклад, нам на всю зарплату начисляли 35% «колесных» за кочевую жизнь и каждые полгода к основному окладу добавляли 10% «северных.» На каждом бланке перевода я просил родителей деньги не копить, а тратить их на повседневную жизнь. Но надо знать моих родителей. Они эти

деньги аккуратно складывали в копилку и накопили изрядную сумму. Кстати, бланки этих денежных переводов хранятся до сих пор у меня.

Впоследствии они сыграли положительную роль, о которой я напишу в следующей главе.

На летние каникулы Соломон приехал ко мне. Ему понравилась наша кочевая жизнь, и он много времени проводил в окрестных лесах, ловил рыбу и собирал грибы. Соломон успешно учился в институте. Его звали «Соломон мудрый». Он всегда всем охотно помогал в учебе и был компанейским парнем. Он часто по выходным дням приезжал в Разлив с ребятами со своей группы. Мама варила им большой чугунный горшок картошки, которую они съедали с солеными огурцами, испытывая истинное наслаждение.

Эти поездки в Разлив они до сих пор помнят и часто по телефону напоминают мне о тех незабываемых временах.

Мне, наконец, изрядно надоела кочевая жизнь, и я решил попробовать выбраться в Ленинград. Начал писать во все возможные инстанции, включая в Верховный Совет СССР К.Ворошилову, и получал стандартный ответ: «сейчас нет возможности удовлетворить Вашу просьбу о переводе в Ленинград». И это несмотря на твердое обещание при распределении в институте, что через 2 года мне будет предоставлена возможность вернуться в Ленинград. Тогда я решил обратиться к министру путей сообщения с просьбой предоставить мне вагон для отправки строительного леса моим родителям на постройку дома. И, как ни странно, мою просьбу удовлетворили. Надо было выбить порубочный билет на заготовку 50 кубометров строительного леса и реализовать эту возможность. Все это потребовало затраты невероятных сил и времени. К счастью, у меня оказался хороший знакомый председатель леспромхоза, который помог мне реализовать эту затею. Наша дружба зиждилась на взаимной вырубке в обмене необходимыми материалами – бензином, гвоздями, битумом и др. Его отличала армянская доброжелательность и отзывчивость. С его помощью мне удалось заготовить 50 кубометров отборных смолистых бревен, вывести их из леса трелевочным трактором на станцию, погрузить в полувагон и отправить в Разлив. По прибытии вагона в Разлив папа организовал его разгрузку и доставку бревен к дому. К этому времени я приехал в отпуск домой.

На семейном совете мы стали решать, что делать с бревнами дальше: продать их или строить новый дом на месте нашей избушки? Мы приняли решение купить готовый дом, продав бревна и нашу избушку. Так мы и поступили. Мы купили двухэтажный дом напротив станции Разлив.

Вернувшись к себе на север, я стал настойчиво требовать перевода в другой мостопоезд на более спокойную работу.

Весной 1956 г. я добился перевода в мостопоезд № 59, базирующийся на станции Яр Удмуртской республики. Здесь я работал инженером технического отдела и только косвенно был связан со стройками. Вместе со мной работали ребята из Московского Института Железнодорожного Транспорта (МИИТа).

С одним из них, Александром Моисеевичем Горловым, я подружился, и дружба наша продолжалась много лет. Это был талантливый инженер и человек с интересной судьбой. О нем я расскажу отдельно в следующей главе.

Саша Горлов уже в то время учился заочно в аспирантуре. И в очередной приезд из Москвы после сдачи, каких-то экзаменов, сообщил нам радостную весть о выходе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. об отмене судебной ответственности за самовольный уход с предприятия. От нас информацию о выходе этого Указа в мостопоезде скрывали. Мы тут же все подали заявления с просьбой уволить нас по собственному желанию. Нас долго мариновали с увольнением, так как не могли поверить, что мы стали свободны в выборе места проживания и работы. В конце концов, нас уволили в начале мая, и мы разъехались по домам. На этом закончились мои пятилетние мытарства на Севере.

Глава 10. 1956 – 1969 годы

Фото 5. Наша семья – Рафаил, Соломон, мама Цыля и папа Арон

И вот я снова в Ленинграде, который не собираюсь покидать до конца жизни. Меня очень тепло встретили на вокзале. Вернулся я с тем же чемоданом, что и уезжал. Правда, за время пребывания на Севере я приобрел солидную библиотеку советской и иностранной литературы. Мне была доступна подписка на любое издание, чем я не преминул воспользоваться.

Это было лето 1956 г. С вокзала мы поехали в Разлив, где за праздничным столом отметили мое возвращение.

Соломон к этому времени уже год работал инженером в Ленпромтрансниипроекте. Он в 1955 г. блестяще окончил факультет «Мосты и Тоннели» ЛИИЖТа с красным дипломом, и как лучший студент при распределении получил место в Ленинграде. Мы все были рады этому событию. Соломон очень активно начал свою инженерную деятельность. Как я уже писал ранее, он всегда ответственно и творчески подходил ко всему, чем занимался. Вот и новая работа его увлекла, и он с головой ушел в проектирование мостов.

Я и Соломон в то время жили в Разливе и каждый день ездили поездом в Ленинград на работу. В то время еще не ходили электрички, а курсировали

пассажирские поезда с паровозной тягой. Вагоны отапливались углем, и всегда стоял устойчивый запах дыма. Дорога занимала 1,5 часа вместо 40 минут электричкой. Мы забирались на верхние полки вагона досыпать до работы. Соломон с Финляндского вокзала, через Литейный мост, шел пешком до работы на улицу Рылеева. А я по прибытии в Ленинград стал искать работу в проектных институтах, так как твердо решил больше не связываться со стройками.

К моему величайшему удивлению, в 10 ведущих институтах меня готовы были принять на работу с окладом 90 рублей. А это был оклад молодого специалиста, только что окончившего институт. Мой пятилетний стаж работы на стройке во внимание не принимался. Это меня сильно огорчило, ведь последний мой месячный заработок на Севере превышал 500 рублей.

Наконец, я остановился на Проектном Институте № 1, где мне предложили оклад 110 рублей в месяц. Впоследствии я никогда не пожалел в своем выборе, проработав в ПИ №1 более 33 лет.

Институт располагался на Исаакиевской площади в знаменитом дворце графа Лобанова-Ростовского со львами у входа, воспетыми А.С. Пушкиным в поэме «Медный всадник». На новой работе мне очень пригодился опыт работы на стройках Севера, где мне приходилось руководить большим коллективом рабочих, и не по учебникам знал, что такое железобетон и металл в строительстве. Начал я работу простым инженером, а спустя 4 месяца стал уже старшим инженером. Занимался в основном проектированием шинных заводов, в том числе крупнейших в то время комбинатов резинотехнических изделий. Через полгода я уже стал руководителем группы из 10 – 12 человек (инженеров, техников-конструкторов и архитекторов).

Соломон к этому времени разработал технические проекты моста через реку Нерис в Вильнюсе и вантового моста в г. Череповец через рукав Рыбинского водохранилища. Это был один из крупнейших в то время вантовых мостов в России со сложной автомобильной двухъярусной развязкой. Мы часто встречались в обеденный перерыв и обменивались впечатлениями по работе. Какое это было счастливое время! Мы были молоды и не обременены никакими проблемами. Дома в Разливе тоже было все в порядке. Соломону нравился мой институт. У меня в группе уже работали его сокурсники Анатолий Шапиро и Володя Бунич, пришедшие по его рекомендации. И Соломон решил тоже перейти работать в наш институт. Ему у нас предложили заняться проектированием большепролетных сборных железобетонных конструкций. Это были наиболее сложные конструкции, разработкой которых руководил Григорий Маркович Шагал. Он не был родственником знаменитого художника Марка Шагала, но его судьба была интересна. Родился он в США в семье эмигрантов из Витебска и мальчиком был вывезен в Россию. Он, как и Соломон, был талантливым и одержимым инженером. Они быстро нашли общий язык и подружились. Часто, гуляя по Невскому проспекту после работы, они могли часами обсуждать проблемные вопросы расчета тех или иных узлов и деталей конструкции оболочек. Кстати, позже Г. М. Шагал стал лауреатом Государственной премии за

разработку и внедрение большепролетных конструкций, не имеющих в то время аналогов в мире.

Соломон проработал у Шагала более года. К этому времени его технический проект моста через реку Нерис был одобрен и требовалась разработка рабочей документации для начала его строительства. Соломона стали уговаривать на прежней работе вернуться и возглавить работы по проектированию в должности главного инженера проекта. От такого лестного предложения трудно было отказаться и Соломон, конечно, дал свое согласие. И началась его увлекательная и интересная работа над проектом нового моста. В 1965 г. началось строительство моста, и Соломон много времени проводил в Вильнюсе, где на месте решал все вопросы строителей. А их было много, и довольно сложных. Ведь мост возводился по новой технологии – навесной сборкой многотонных блоков пролетного строения. Соломон был очень увлечен этой работой и посвящал ей все свое свободное время.

Но однажды, в разгар рабочего времени, через отдел кадров его вызвали в Большой Дом на Литейном проспекте, 4 для конфиденциальной беседы. Разговор шел «вокруг да около», и лишь после получаса разговора на общие темы Соломон понял, что его хотят завербовать в «стукачи» по так называемому «самолетному делу» (попытке угона самолета в Израиль), Дело в том, что рядом с ним работал архитектор, который тесно был связан с группой товарищей, готовивших эту акцию. А КГБ заранее был проинформирован и вел слежку. Соломон категорически отказался от этого предложения, ссылаясь на большую занятость работой. Его оставили в покое, предупредив, что никто не должен знать об этой беседе. Известно чем закончилась смелая попытка угона самолета. Организаторы Кузнецов и Дымшиц были приговорены к расстрелу, который, правда, заменили на 15 лет. Только после этого Соломон рассказал мне все. Вот до чего был велик страх! Наконец, в 1965 г. мост был построен. Мост получился очень красивым и стал достопримечательностью Вильнюса. В 1966 году Соломон как автор проекта и строители моста были удостоены премии Совета Министров Литвы. Мост вошел в классику мостостроения под названием «Летящая лань». Он действительно получился стремительным и изящным.

Хочу отметить, что при проектировании мостов, в отличие от других сооружений, инженер одновременно выполняет функции и архитектора, так как архитектура моста является воплощением инженерного замысла.

Ведущие специалисты в области мостостроения в прессе широко обсуждали творческое решение общего облика моста и новую технологию его возведения. Они утверждали, что этот мост является уникальным сооружением, открывающим «новые возможности сочетания самой передовой строительной технологии с современными архитектурными формами» (газета Советская Литва от 21 июня 1966 г.).

После этого Соломон начал разработку проекта вантового моста в г. Череповец. Это был один из первых большепролетных вантовых мостов в России. Мост был построен и до сих пор является доминантой в современной застройке города.

У меня к этому времени тоже произошли изменения в профиле работы. Я занялся разработкой новых строительных решений, а совмещать новое свое

увлечение с проектирование рядовых объектов не представлялось возможным. Я перевелся в Специальный Конструкторский Отдел (СКО) и занялся разработкой новых строительных конструкций и деталей. Основное внимание я уделил созданию и внедрению нового типа стропильных конструкций – безраскосных железобетонных ферм. Разработка рабочих чертежей серии безраскосных ферм до утверждения их Госстроем СССР в качестве типовых конструкций заняла более 10 лет. Кроме этого, мною была разработана серия конструкций из центрифугированного железобетона, на которые был создан ГОСТ 23444-79. Обо всех новых разработках я здесь останавливаться не стану, так как они подробно изложены в двух моих книгах:

1. Безраскосные железобетонные фермы для покрытий промышленных зданий, Ленинград, Стройиздат, 1971г.

2. Перспективные направления по дальнейшему совершенствованию конструктивных решений производственных, гражданских, жилых зданий и сооружений. Санкт-Петербург, Главпечать, 2011 г.

Одновременно, без отрыва от основной проектной работы, я написал диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук на тему: «Исследование работы безраскосных ферм», которую в 1972 г. успешно защитил в Киевском НИИ строительных конструкций. Однако, несмотря на положительные отзывы ведущих специалистов строительных институтов и производственных организаций, моя работа была направлена на рассмотрение «черному оппоненту», который написал отрицательный отзыв. Как позже удалось выяснить, отрицательный отзыв написал профессор Александров, который в приватной беседе признался, что саму работу не читал, а ему было достаточно прочесть еврейскую фамилию автора. Вот такие были времена!

В 1960 г. Соломон женился. И несколько лет скитался по съемным квартирам. Только в 1965 г. он купил кооперативную двухкомнатную квартиру на Скобелевском проспекте. Родителям пришлось ему помочь в приобретении квартиры и её обустройстве. Тут не обошлось без заначки от моих денежных переводов с Севера. Я жил в небольшой комнатухе, выделенной дощатой перегородкой из коридора коммунальной квартиры. С приходом к власти Н. С. Хрущева в Разливе начались «великие преобразования». Вышел специальный указ о запрете содержания домашних животных и птицы в пригородах больших городов. Нам пришлось продать корову, козу и кур, за счет которых мы кормились. Зато СССР за один год «догнал и перегнал Америку по производству мяса». Это было очередное «изобретение» Хрущева. Затем был принят указ об обязательном декларировании доходов при покупке ценных вещей и недвижимости. Как все возвращается на круги своя! С нас потребовали сведения, за какие деньги мы купили дом. Когда отец представил пакет моих денежных переводов с Севера, вопрос был исчерпан.

У Соломона в 1962 г. родился сын Саша. А я продолжал ходить в «старых холостяках». Наконец и мне в 1965 г. представилась возможность купить однокомнатную кооперативную квартиру на ул. Бутлерова. Обретя свою квартиру, я стал задумываться о том, что пора обзаводиться семьей, тем более что родители этого очень ждали.

Однажды, в институтской столовой, мне приглянулась красивая стройная брюнетка Галя. Она работала в Петропавловской крепости, где размещался отдел пространственных конструкций нашего института, которым руководил Г. М. Шагал. Я часто посещал этот отдел, чтобы лишний раз увидеть Галю. С её стороны я тоже ощущал определенный интерес ко мне. Живя в соседних парадных одного дома, мы часто встречались и бывали друг у друга в гостях. И, наконец, в конце 1968 г. мы поженились. А 30 июля 1969 г. у нас родился сын Миша. О нашей семейной жизни и наших друзьях я напишу в следующей главе.

На этом наша спокойная жизнь с интересной творческой работой закончилась в связи трагическими событиями дома, в Разливе. Зимой 1969 г. серьезно заболела мама. У неё сначала случился инсульт, а потом на фоне нарушения нормального кровообращения началась гангрена (заражение крови). Я обошел все известные клиники с лучшими хирургами с просьбой остановить развитие гангрены за счет ампутации ноги, но никто не брался делать операцию, и она была обречена на медленную смерть. Мама уходила из жизни тяжело в полном сознании. Ей не хватало воздуха для дыхания, и я с помощью вентилятора пытался ей помочь. Однажды ей почудился запах сирени, кусты которой окружали наш дом. Мне пришлось с помощью духов сирени создать призрак весны, за что она была безмерно благодарна. Вот так мама в полном сознании и жаждой жизни тяжело уходила от нас. А в это время папа лежал с тяжелым воспалением легких и беспомощно взирал на происходящее. Соломон помогал мне ухаживать за больными. 20 февраля мама умерла и мы похоронили её на еврейском кладбище в Сестрорецке. Папа очень тяжело переживал потерю мамы. Я раньше писал, как они были привязаны друг к другу!

В итоге папа остался один в пустом холодном доме. Мы с Соломоном часто приезжали к нему и помогали ему, главным образом морально. На некоторое время мне удалось уговорить его пожить у меня в городе, в пустующей моей квартире, так как я жил у Гали. Он нашел в Гале внимательно слушателя и интересного собеседника. Ей он рассказал много подробностей из своей жизни, о которых у нас, мужиков, не принято было говорить. Эта одна из причин побудивших меня написать мои воспоминания. Мама до своей болезни тоже бывала у нас, и с ней Галей кроили и шили какие-то наряды.

Но папа, несмотря на то, что он был окружен заботой и вниманием, не мог долго жить в городе, ничего не делая, и он вернулся в Разлив. Там он убирал двор, сжигал листья могучих кленов, образующих алею вдоль дома, и готовил себе еду. Папа поставил перед собой и нами задачу при своей жизни поставить памятник на могиле мамы. И мы исполнили его желание. Приобрели на камнерезном заводе красивый надгробный камень из черного лабрадора с цветочной вазой. По эскизу Соломона была высечена надпись. Вся наша жизнь и все заботы были связаны с папой. В душе мы понимали, что он долго не переживет разлуку с мамой и своё одиночество, которое он скрашивал частым посещением родной могилы.

Папа еще успел в конце своей жизни проводить Сашу, сына Соломона, в первый класс 1 сентября. А чуть ранее, 30 июля, дождался рождения второго внука, нашего Миши. Этим двум знаменательным событиям он был очень рад, глубоко сожалея, что мама не дожила до них самую малость. Однако жизненные силы его постепенно иссякали. Поздней осенью (10 октября) мне позвонили на

работу и сообщили, что с папой очень плохо. На мой вопрос, жив ли он, ответили, что он умер. Это трагическое известие застало меня врасплох, и я не сразу решил сообщить о нем Соломону. Придя в себя, я на такси заехал за Соломоном, и мы поехали в Разлив. Папа лежал на диване, скрестив на груди большие натруженные за долгую тяжелую жизнь руки. После мы узнали подробности последних часов его жизни от тети Баси. Накануне утром папа собрался в баню. Это была пятница – традиционный для него банный день. Приготовил чистое белье и березовый веник. Папа очень любил париться в бане по-настоящему. Обычно он надевал фетровую шляпу и рукавицы, забирался на полоч и просил нас поддать жару до тех пор, пока все не покидали полоч и он оставался один. Затем просил нас подняться к нему и поработать веником. Так он привил нам любовь к парилке. Но тут было все иначе. Перед баней он решил приготовить себе оладьи на завтрак. У плиты ему стало плохо, и он с веранды попросил прохожего позвать Басю. Пришла Бася и вызвала врача. Старушка-врач и Бася решили, что ему надо сделать теплую ванну для ног. Потребовались спички, которые были у папы в кармане. Чтобы достать спички, он приподнялся, и тут же у него случился обширный инфаркт и наступила мгновенная смерть. Мы никак не могли понять, зачем надо было его беспокоить? Может быть, он смог бы самостоятельно справиться с временным недугом. Но уже было поздно!!! Мы похоронили его рядом с мамой, и на памятнике появилась новая надпись. Папа пережил маму менее чем на 7 месяцев. Он ушел из жизни 10 октября 1969 г. Как будто злой рок нас преследовал в октябре-месяце. Соломон тоже ушел от нас в октябре (12 октября 2000 г.).

Мы очень тяжело переживали потерю папы, ведь он был для нас воплощением порядочности, честности, трудолюбия и необыкновенной любви ко всем нам. Мы с Соломоном через Синагогу обеспечили необходимый в таком случае ритуал с поминальными молитвами и скорбными воспоминаниями родных и близких. Вот и конец грустной истории о некогда счастливой семье.

Пользуясь случаем, я бы хотел выразить желание быть похороненным рядом с моими родителями.

Глава 11. Жизнь нашей семьи и наши друзья

После потери родителей наши жизненные приоритеты приобрели другую направленность. Прежде наша жизнь строилась на принципах семейных традиций. Теперь каждый из нас должен был принимать самостоятельно ответственные решения, соизмеряя их мысленно с желаниями родителей. Главное было сохранить крепкие братские узы. Дальнейшая наша жизнь подтвердила, что мы поступали так, как одобрили бы наши родители. В этой главе моих воспоминаний трудно будет изложить события в хронологическом порядке, так как они многообразны и порой пересекались во времени.

Прежде всего, я хочу вкратце описать жизненный путь моей жены Гали.

Жена Галя

Родилась она в 1936 г. в городе Нязепетровске Челябинской области. Город располагается среди холмов на юге Уральских гор вместе слияния реки Нязя с рекой Уфа. Недалеко от селения уже начинались прекрасные леса. В основном это были сосновые леса с обилием грибов и всевозможных лесных ягод. Настоящего детства у Гале не было. В 5-летнем возрасте она проводила отца вместе с его тремя братьями на защиту Москвы. Мать уехала в Сибирь на заработки. Осталась Галя с младшей сестрой и братом у бабушки. В эти суровые первые годы войны она помогала бабушке прокормить большую семью, не гнушаясь никакой работой.

Отец, Павел Филиппович, скончался от ран в 1943 г. и захоронен в деревне Кресты Псковской области. Судя по месту и дате смерти, Павел Филиппович участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

В 15 лет, окончив семь классов, Галя уехала в Свердловск для продолжения учебы. С этого времени началась её самостоятельная жизнь. В 1951 г. поступила в Свердловский Строительный техникум и в 1955г. окончила его с отличием по специальности «Технические и гражданские здания». Затем переехала в Ленинград и без экзаменов как отличница поступила в ЛИИЖТ на кафедру «Мосты и Тоннели», которую и окончила в 1960 г. по специальности «Промышленное и гражданское строительство».

После двухлетнего поиска работы в строительных организациях с предоставлением общежития, в 1962 году, устроилась на работу в Проектный Институт № 1, в отдел пространственных конструкций, возглавляемый Г.М. Шагалом. Занималась разработкой наиболее сложных инженерных конструкций.

Благодаря своему природному таланту, ответственному отношению к порученной работе Галя уже в 1965 г. была назначена руководителем группы опытных инженеров и конструкторов.

Работая на такой ответственной работе, Галя уделяла много времени и занятию спортом. Имела спортивный разряд по лыжам, занималась бегом и была неизменным участником институтских спортивных соревнований. Помимо всего прочего, находила время для изучения английского языка в специальной школе, неплохо владея немецким языком. Но с рождением сына Миши и не имея бабушек, Галя вынуждена была оставить интересную работу и другие увлечения, полностью посвятив себя воспитанию сына.

Миша рос непростым ребенком, иногда болел, как все дети, прекрасно учился в школе, много читал, любил спортивные соревнования и был страстным коллекционером почтовых марок, значков на спортивные темы и даже этикеток для спичечных коробков. У нас до сих пор бережно хранятся все его коллекционные реликвии и даже дневники за все классы, почетные грамоты, рисунки и лучшие сочинения. Алиса, его дочь, придя к нам в гости, с большим интересом изучает папины коллекции. Я часто посещал с ним футбольные и хоккейные матчи. Особенно мне запомнился турнир молодежных хоккейных команд различных стран, в том числе США и Канады. Впервые я с Мишей увидел игру будущих звезд мирового хоккея: Лемье, Ойзермана и др. Страсть к футболу и хоккею Миша сохранил до настоящего времени.

После того как Миша с ключами на шейной тесемке с трудом мог самостоятельно проникнуть домой и съесть приготовленный мамой обед, Галя устроилась на работу в Политехнический институт старшим преподавателем, где проработала с 1978 по 1990 годы. Лето мы, как правило, проводили в Разливе у родителей. Галя успешно освоила еврейскую кухню под руководством мамы и тети Баси. Её фаршированная рыба, «фалше фиш», драники, блинчики были неподражаемы. А особенно ей удавались пирожки с различными начинками (капустой, картошкой, вареньем и другими сладостями). Это были фирменное изделие тети Гали, которое пользовалось большим спросом у ребят. Воистину говорят, что если человек талантлив, то талантлив он во всем! Это в полной мере я отношу к Гале.

Сейчас хочу кратко рассказать о Мише. После окончания средней школы с отличными оценками по всем предметам Миша поступил в Политехнический Институт на Гидротехнический факультет. Он хорошо вписался в студенческий коллектив. Занялся спортом. В гандбольной команде факультета защищал ворота. Окончил первый курс с отличными оценками. Был в студенческом лагере на черном море, оттуда писал нам письма, что скучает по дому.

Но летом Миша заявил нам, что технические науки его мало интересуют, и он хотел бы серьезно заняться гуманитарными предметами, в том числе философией. Месяц изучал институты, где интересно было бы продолжить учебу. И, наконец, без нашего участия остановился на Театральном институте. В то время конкурс при поступлении в этот институт составлял 15 – 18 соискателей на одно место. Мы очень сомневались в правильности его выбора. Но его решение было безоговорочным. С зачетной книжкой Политехнического ин – та, Миша отправился в приемную комиссию Театрального института на собеседование.

К нашему удивлению, собеседование прошло успешно, и ему предложили зачисление на второй курс постановочного факультета по переводу из Политехнического. Нам осталось неизвестным, что сыграло решающую роль при собеседовании в приемной комиссии. То ли его успехи в учебе на первом курсе, то ли его общее развитие, хорошее знание художественной литературы, сообразительность, умение излагать свои мысли и др.

Учеба на втором курсе Театрального, минуя первый курс, Мише далась довольно трудно. Требовалось сдать ряд новых предметов: живопись, историю искусства, создание театральных костюмов, макетирование театральных сцен и др. Тем не менее, Миша справился с этими трудностями и продолжил учёбу на последующих курсах. После третьего курса по программе обмена студентами ездил в Словакию. Все шло хорошо в учебе до дипломного проекта «Моя верная жена» в постановке театра Комедии. При работе над дипломным проектом Миша увидел, как сильно отличается театр при взгляде из зрительного зала и из-за кулис. Он был глубоко разочарован и сказал маме, что не видит смысла в защите дипломного проекта. Однако мама убедила его, что диплом надо получить, т.к. «корочки» в дальнейшей жизни могут пригодиться. Миша успешно защитил дипломный проект и принес маме диплом в виде подарка. В дипломе указана специальность – «Художник-технолог сцены». В дальнейшем Миша увлекся компьютерной графикой, рисованием и дизайном. Он начал успешно заниматься рекламной деятельностью и продолжает ею заниматься до настоящего времени.

Сейчас хочу перейти к краткому описанию жизни Соломона.

После завершения строительства двух уникальных мостов, запроектированных им в ПромтрансНИИпроекте, Соломон перешел на работу в ведущий институт по проектированию мостов – Ленмостостройпроект уже известным инженером. Здесь он возглавил проектирование двухъярусного моста через реку Енисей в Красноярске и вантового моста через бухту Золотой Рог во Владивостоке. Но в это время стала возможной эмиграция в Израиль и Соломон стал задумываться о дальнейшей судьбе подрастающего сына Саши. Работая над крупными проектами, Соломон вынужден был иметь допуск для работы с секретными документами, который в дальнейшем серьезно осложнял получение разрешения на эмиграцию. Чтобы избежать в дальнейшем ненужных

затруднений, он, не приняв окончательного решения, перевелся в институт Ленжилпроект.

В этом институте работало много его друзей-сокурсников, которые с радостью приняли его в свои ряды. Здесь он запроектировал транспортную развязку у Б. Охтинского моста и разработал совместно с институтом ЛенНИИпроект технический проект развязки Невского и Лиговского проспектов в разных уровнях. До настоящего времени этот проект широко обсуждается в архитектурных кругах города.

После долгих колебаний Соломон с семьей эмигрировал в США через Италию. В Италии они прожили около полугода, изучая язык. Мы очень тяжело расставались. Казалось, что это навсегда. Мы регулярно переписывались и разговаривали по телефону. По прибытии в США они отправились на постоянное жительство в г. Питтсбург, Штат Пенсильвания. Мне посчастливилось несколько раз бывать у Соломона в гостях, и Питтсбург произвел на меня неизгладимое впечатление. По приезду в Питтсбург Соломон разослал своё резюме с перечнем своих работ по мостам. Спустя неделю получил приглашение на собеседование в довольно большую частную фирму, проектирующую мосты. Ему предложили проектировать мостовые переходы через глубокие ущелья (высота мостовых опор порой превышала 100м.) и многочисленные реки, количество которых превышало речной бассейн Санкт-Петербурга. Старые заслуги в мостостроении помогли ему стать руководителем проектных работ в должности главного инженера проекта. В Питтсбурге Соломону посчастливилось возвести несколько десятков мостов. В этой фирме Соломон проработал до конца своей жизни. Жила семья Соломона в собственном двухэтажном кирпичном коттедже со встроенным гаражом и имела прекрасный Мерседес для парадных выездов и бывалый BMW для поездки на работу. В подвальном этаже был тренировочный зал с сауной. Жена Соломона Инна работала в той же фирме техником-чертежником, а сын Саша начал учебу в колледже. Затем Саша женился и растит двух прекрасных сыновей и дочь.

После отъезда Соломона дом в Разливе стал для нас чужим, и мы решили с ним расстаться. На лето мы выезжали на дачу в Лугу. Мы жили в сосновом бору на берегу реки Луги. Здесь мы приобрели много друзей, а Миша хороших ребят своего возраста. Мы часто компанией путешествовали по Прибалтике, посещали Пушкинские места, и однажды нам довелось даже провести ночь в Светогорском монастыре рядом с могилой Пушкина. По пути к Пскову мы обнаружили изумительные грибные места, которые часто посещали и возвращались с массой грибов (400 – 500 шт.). Луга была светлым пятном в нашей жизни. Этому, в значительной мере, способствовало купленная нами машина Жигули-2101.

Но наряду со светлыми, радостными днями нас постоянно преследовали трагические события. В 1986г. Галя сломала лодыжку. Перелом оказался очень серьезным, и только опытные врачи Военно-медицинской академии смогли по косточкам собрать ногу без операции. Но в гипсе пришлось провести около года. В 1998 г. переходя перекресток напротив нашего дома по зеленому сигналу светофора, Галя была сбита машиной, ехавшей по красному сигналу. Молодой человек, видимо, очень торопился и выехал со второго ряда на красный свет. Он оказался очень ушлым, подкупил ГАИ и врачей в больнице, собрал

лжесвидетелей, тянул судебный процесс до амнистии и вышел сухим из воды. В результате Галя получила компрессионный перелом позвоночника.

В 2002 г. Галю настигла онкология и ей удалили грудь. Операция прошла успешно, и 10 лет все было чисто. В 2012 г. с Галей стряслась новая беда. 13 июня ей сделали новую операцию по онкологии кишечника. С этого времени я неотступно слежу за ней и прикладываю все усилия для её спасения. Галя мужественно переносит тяжелую болезнь, и как всегда, больше переживает за нас.

Дай бог ей сил справиться с этим тяжелым недугом.

Возвращаюсь снова к Соломону.

Однажды, при очередном приезде в Питтсбург, Соломон предложил провести часть моего отпуска вместе с его семьей. На что я с радостью согласился. Решено было по Восточной части Америки добраться до Флориды. По пути мы сделали длительную остановку в Северной Каролине на берегу Тихого океана. Много купались в океане и даже однажды выехали на рыбалку со спиннингами за морской рыбой. Северная часть Америки выгодно отличается от южной части. В дороге мы посетили много музеев – заповедников, индийских резерваций и много других экзотических мест.

Однажды на очередной стоянке мне попала на глаза русскоязычная газета, в которой была помещена большая статья об Александре Горлове, моем давнем друге. Он, будучи руководителем лаборатории одного из университетов США сделал выдающее изобретение в области Электро-гидротехники. Я должен подробно рассказать об этом необыкновенно талантливом человеке со сложной судьбой. Я уже упоминал его в главе 9, где описывал наше знакомство в мостопоезде №59 на станции Яр Удмуртии. После возвращения в Ленинград и работы в Проектном Институте №1, мне по работе приходилось часто бывать в ГОССТРОЕ СССР. Там я снова встретил Сашу Горлова, и наша дружба возобновилась. Я, будучи в частых командировках в Москве, как правило, останавливался у него. Жил он на Ленинском проспекте. У него была очень милая жена и сын-вундеркинд, увлекающийся математикой. Саша работал в институте ГИПРОТИС и занимался разработкой автоматизированных систем расчета строительных конструкций. Им впервые в СССР была разработана автоматизированная программа расчета плит на упругом основании.

Глава 12. Последние письма Соломона

Два брата – Рафаил и Соломон

Работая над 11-й главой своих воспоминаний, я стал перебирать письма Соломона из Питтсбурга. И решил поместить некоторые из последних писем отдельно, посвятив им 12-ю главу.

Последние его письма меня потрясли. В них братская забота о нас и невероятная скорбь из-за роковой разлуки. А самое страшное – сообщение о надвигающейся страшной болезни. Жажда жизни и великая вера в возможное исцеление. Не буду пересказывать содержание этих писем, а приведу их полностью. Перечитывая эти письма, я рыдал как малое дитя, и благодарил Б-га за великое мужество и благородство брата, и испытывал необъятную благодарность неповторимым нашим маме и папе, за то, что они были такими.

Письмо от 21 марта 1999 г.

Дорогие Фоля, Галя, и Миша!

Фоля, получил твое письмо от 1 марта. Много раз перечитывал его, и каждый раз чувствовал огромную боль за вас, почему вы не можете вырваться из этого заколдованного круга? Действительно, все (кому надо было и не надо было) уже давно уехали из этой страшной действительности, а вы ничего не можете сделать по той или другой причине. Читал твое письмо по телефону Фольке рыжесму, и он рыдал как ребенок, вот и сейчас у меня слезы невольно льются из глаз.

Твое письмо звучит как дневник Анны Франк.....Все ужасно, но жизнь все же продолжается и нет никакого выхода?

Фоля! Я тебе вот что скажу: тебе уже 70 лет, и ты не можешь больше ждать, у тебя нет для этого времени. Ты сказал мне по телефону, что вы получили письмо из Вашингтона, где они пишут, что у вас еще есть статус беженца, и вы можете приехать в США. Мой Вам совет, воспользуйтесь этой последней возможностью и приезжайте сюда. Если Миша не хочет ехать, приезжайте с Галей. Оставьте Мише ваши две пенсии на первое время, а потом он поумнеет и тоже приедет, когда поймет, что вас там нет и помощи ждать нет от кого. Фоля и Галя, поймите, вы ведь не вечны, и раньше или позже он все равно останется без вас. Насчет Германии, как ты пишешь, надо ждать еще 2-3 года, а может быть и больше.

Не знаю, можете ли вы себе позволить ждать еще такой период времени? Да и кто есть у вас в Германии? Пришла пора, мне кажется, собраться нам всем в одном месте, и это место, безусловно, находится здесь, где уже 90 % родственников, а вместе с вами будет все 100 %. Я бы очень хотел, чтобы мы были все вместе. И, конечно, чтобы Миша был здесь. Я думаю, даже уверен, что он нашел бы себя здесь и был бы доволен жизнью. На то очень много живых примеров.

P.s. Жду твоего письма, Фоля. Напиши, как я вам еще могу помочь. Я все сделаю, что от меня зависит.

Целуем вас всех крепко и ждем здесь. Соломон.

Письмо от 25 марта 2000 г.

Здравствуйте мои дорогие Фоля. Галя и Миша!

Пользуясь оказией, посылаю вам это письмо, фотографии внуков и небольшой подарок (Мирра не может взять больше), а также письмо из Вашингтонского центра (оригинал и мой перевод).

Я написал для вас письмо с начала 20 марта, которое хотел отправить с Миррой и Лёвой. Но, к сожалению, оно уже устарело, и мне приходится его переписывать.

За эти 5 дней произошли большие изменения в моей жизни. Когда я писал первое письмо (Фоля! накануне я разговаривал с тобой по телефону и сказал, что Мира и Лёва едут в Россию), я думал, что я абсолютно здоров и жизнь прекрасна и удивительна! Я чувствовал небольшую простуду и немного покашливал. Пошел к врачу на обследование, последовал рентген, сказали воспаление легких, назначили послойный рентген. Нашли опухоль в правом в легком, которая давит на дыхательную трубу-трахею. Часть легкого поэтому плохо работает, и появилась пневмония. Главная беда, конечно, в опухоли. Положили на день в госпиталь и взяли ткань на обследование, так как предполагают, что это раковая опухоль. Результат будет через несколько дней. Тяжело об этом писать, но, к сожалению, от фактов не убежишь.

Фоля! Я буду тебе звонить и держать тебя в курсе событий, связанных с этим новым явлением.

Первое письмо, которое я хотел передать с Миррой, было более радостное и в основном было посвящено вопросам эмиграции и письму из Вашингтонского центра и моему желанию, чтобы вы воспользовались последней возможностью, которая не всем дается. В этом отношении ничего не меняется. У вас есть возможность поговорить с Миррой и Лёвой. Они знают лучше меня всё, что связано с эмиграцией как в Америку, так и в Германию (они туда ездили в прошлом году, там живет Лёвин брат).

Извините за плохие новости о моем здоровье. Жизнь – хрупкая вещь. Буду бороться и надеюсь на лучшее. Подробности о внуках и детях вы узнаете от Мирры и Лёвы, они знают все и с удовольствием вам все расскажут.

Целуем Вас крепко. Соломон.

Письмо от 27 марта 1998 г.

Здравствуйте дорогие Фоля Галя и Миша!

Фоля спасибо за подробное и очень интересное письмо от 25 февраля 1998 г. Как раз прошел месяц, как ты его написал. Фоля с Беллой тоже получили от тебя письмо (с Галиной страничкой). Мы обменялись содержанием писем по телефону. Через пару дней (31 марта) я возьму бутылку водки и поеду к нему отмечать день его рождения, и мы ещё раз подробно обсудим твои письма и вспомним всех вас, и выпьем за ваше здоровье. Да, очень и очень жаль Лиину и Матвея. Ещё тогда, когда я был у вас (3 года тому назад), она была очень плоха. Представляю, что делается с ней сейчас. Не дай бог так мучиться и так долго. Ты прав, что наш папа был ангелом, никому не был в тягость ни на один момент. Фоля, я часто вспоминаю наших маму и папу, ведь они были такие преданные и самые, самые лучшие люди на свете. Да, время бежит. Уже 29 лет как их нет с нами.

Фоля, я очень рад за тебя и горжусь тобой, что ты, несмотря на хаос, невероятные трудности в вашем «особом пути развития», ты смог найти свою нишу, интересную работу и материальную независимость. Немногие у вас, особенно в твоём возрасте, могут этим похвастаться. В этом тоже заслуга наших родителей, которые дали нам образование и своим примером научили нас честно трудиться и находить ценное зерно в творчестве. Спасибо им за это. Фоля, ты в своем письме очень правдиво и красочно описал вашу действительность и трудности, которые имеются у вас. Я это очень хорошо знаю, дважды в неделю по Интернету я читаю вашу печать в оригинале:

Петербургские ведомости, журнал «Огонек» и др. Инне надоело работать, и она в ближайшие недели уходит на пенсию, Ну а я буду продолжать трудиться, пока не выгонят. Фоля! Пора подумать, как бы нам повидаться опять, ведь тебе в будущем году уже будет 70, а мне скоро 65. Хорошо, если бы могли приехать к нам в гости и повидали бы всех. Если вы не сможете приехать к нам, то мне надо думать выбраться к вам, может быть в бедующее лето.

Целую всех крепко. Ваш Соломон.

Это письмо я поместил здесь, чтобы показать, как хрупка наша жизнь. Прошел всего один год, и как безоблачное небо заволокли тяжелые темные тучи...

Письмо от 26 августа 2000г.

Здравствуйте дорогие Фоля, Галя и Миша!

Фоля! Посылаю тебе справку от моего врача о моем состоянии здоровья с просьбой, чтобы тебе разрешили приехать в Америку и навестить меня. Справка эта не очень приятная, но ничего не поделаешь, от судьбы не уйдешь. Сможешь ты приехать или нет, решать тебе, от такой поездки навестить больного удовольствия мало. На эту тему мы поговорим по телефону с тобой, когда получишь эту справку, и мы обсудим все возможности. Сейчас я чувствую себя не так уж плохо, не ощущаю особых болей, но очень быстро устаю от любой активности, все время клонит ко сну.

Позади 12 сеансов химиотерапии и 30 сеансов радиации. На следующей неделе будет томограмма, будет ясно, опухоль уменьшается в размере или нет. Видимо врач опять назначит химиотерапию.

Внуки растут. Получаю много удовольствия от них, но особенно заниматься с ними мне трудно, т.к. я быстро устаю.

Саша очень занят: много работает, а когда приходит домой занят детьми. Вечерами они приходят навестить меня. Целую вас всех крепко, ваш Соломон.

P.S. По-прежнему буду звонить раз в 2 недели и мы подробно оговорим все по телефону.

Это последнее письмо от Соломона.

Приглашение

Я, Гершанок Соломон Аронович (Gershanok Solomon A.), проживающий по адресу: 5884 Douglas str. Pittsburg PA, 15217, USA приглашаю моего брата: Гершанок Рафаила Ароновича, проживающего по адресу: Россия, 194223 г. Санкт-Петербург Пр. М. Тореза, д.40, кор.1, кв.116 навестить меня по месту моего жительства,

в связи с моим тяжелым заболеванием.

подпись: Solomon A. Gerhanok 09/ 18 / 2000/

По этому приглашению в консульстве США мне дали визу для въезда в страну без всяких проволочек, чем я и воспользовался. В Питтсбурге меня встретил Саша с маленьким Эзрой глубокой ночью и отвез меня к Соломону. Последние дни жизни Соломона я был рядом с ним. Умер Соломон 12 октября 2000 г.

Вот на этой грустной ноте я заканчиваю свои воспоминания о некогда большой и дружной семье.

Могила Соломона в Питсбурге